

Дарья Донцова

Лампа разыскивает Аладина

Евлампия Романова
СЧАСТЛИВЕ ВЕДЕТ АЛАДИНА

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Дарья Донцова
Лампа разыскивает Алладина
Серия «Евлампия Романова.
Следствие ведет дилетант», книга 16

текст предоставлен издательством ЭКСМО
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123211
Лампа разыскивает Алладина: Эксмо; М.; 2006
ISBN 5-699-17772-8

Аннотация

Евлампия Романова взялась за дело Оли Белкиной, у которой убили мужа и похитили новорожденного сына Гену. Белкина в реанимации. А Евлампии удалось отыскать коляску, вместе с которой украли Гену. Но пьянчужка Алла, торговавшая ей у метро, вдруг внезапно скончалась, так и не успев ничего рассказать. Затем утонул парень, подсунувший пьянчужке отравленную водку. Ниточка оборвалась! Осталась последняя надежда – соседка Белкиной по родильной палате.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	45
Глава 5	59
Глава 6	75
Глава 7	88
Глава 8	102
Глава 9	115
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Дарья Донцова

Лампа разыскивает Алладина

Глава 1

Если в вашем доме живет человек, который постоянно разбрасывает вещи, никогда не убирает за собой посуду, спокойно берет деньги из вашего кошелька, может притащить к ужину без всякого спроса десять друзей, при этом абсолютно уверен, что его всегда простят, да еще он постоянно ноет, что вы его не уважаете и о нем не заботитесь, то не стоит в сердцах восклицать: «Ну за что господь послал мне этот крест?» Скорей всего, вы сами произвели сие сокровище на свет и добрый боженька тут ни при чем.

– Ну за что господь послал мне этот крест? – сердито воскликнула Катюша, входя на кухню.

Я оторвала взгляд от кастрюльки, где закипало молоко.

– Что случилось?

Катюша швырнула на стол дневник Кирюшки.

– Вот, полюбуйся! Ультиматум. «Если завтра мать Романова Кирилла не явится к девяти утра в мой кабинет, он будет исключен из школы непременно. Ласкин».

Я уронила ложку на плиту.

— Вот странный человек!

— Да уж! — воскликнула Катюша и стала открывать бутылку с водой. — Ты очень деликатно выразилась! Странный! На мой взгляд, он просто безобразник!

— Ты не права, — покачала я головой и потянулась за пачкой геркулеса.

Мопсиха Феня, поняв, что процесс приготовления ее любимой каши вступил в завершающую стадию, тихонько заскулила. Я покосилась на Феню. Интересно, почему она постоянно хочет есть? Конечно, Фенечка слегка великовата для мопса, если уж совсем честно, то она по весу ближе к сайгакам, таким милым, здоровенным животным, и то только голова у Фени слегка напоминает мопсиную. Может, ее родители на самом деле были оленями? Уж больно большая получилась у них дочь. Но я, увы, не знакома с родственниками Фени. Мопсиху подобрала в ветлечебнице и теперь с недоумением наблюдаю за ее бурным ростом. Хотя, вроде бы, прихваченная тогда в том же месте Капа ее родная сестра. Но Капа совсем крохотная, она запросто пробегает у Фени под животом, даже не задевая головой брюшко дорогой сестры. Может, Феня была первой в помете, а Капа последыш? Или они вовсе не родные? Вдруг у Фенечки предки все-таки сайгаки? Ну почему эта мопсиха постоянно ест еду как сено? Я уже и так купила ей миску больше, чем у нашей стаффордширихи Рейчел и двортерьера Рамика. То, из чего

ест Феня, больше всего напоминает таз, нет, корыто!

– Просто не знаю! Как с ним поступить? – вздыхала Катя. – Может, все же следует наказать?

– Кого? – удивилась я, помешивая кашу.

Подруга покачала головой.

– Ты меня не слушаешь! Вот! Читай.

Перед носом снова оказалась страница из дневника. Надпись, сделанная ядовито-красными чернилами, опять бросилась в глаза. «Если завтра мать Романова Кирилла не явится к девяти утра в мой кабинет, он будет исключен из школы непременно. Ласкин».

– Каким образом этот Ласкин думает исключить из школы кабинет? – спросила я. – Потом, чей кабинет? Математика, физика или химика?

Катюша моргнула.

– Лампа! Речь идет о Кирюшке! Он опять набезобразничал.

– Мне всегда казалось, что учитель обязан хорошо владеть родным языком, – усмехнулась я, – а то после прочтения гневного ультиматума мне показалось, что сей Ласкин собрался при помощи лома и кирки крушить перекрытия!

Катя обхватила голову и застонала. Я обняла ее.

– Ну с какой стати ты вдруг расстроилась?

– Ласкин – директор, – пояснила Катюша, – он отчего-то дико обозлился на Кирюшку. Я позвонила в школу и попросила: «Нельзя ли перенести встречу, у меня на утро назначе-

на сложная операция, очень тяжелый больной».

– И что ответил господин Ласкин?

– Каменным голосом отчеканил: «Нет» – и швырнул трубку.

– Очень, видно, воспитанный, милый дядечка!

– Но я не могу отменить операцию!

– И не надо. Сама схожу в школу. И вообще, чего ты влезла в это дело, – укорила я подругу, – ну-ка, давай вспомним. Кто бегал туда, когда Кирюшка намазал клеем порог учительской и химичка намертво прилипла к полу?

– Ты.

– А в тот день, когда биологичка упала в обморок? Помнишь? Кирюша вставил между челюстями скелета спичку, учительница провела указкой, показывая, как растут зубы, тоненькая палочка сломалась, и анатомическое пособие «укусило» указующую трость. Право, меня тогда искренне удивило поведение педагога. Ведь ведет биологию и должна вроде понимать, что скелет не способен на активные самостоятельные действия. А она свалилась без чувств. Право, глупо! Так кто тогда уладил ситуацию?

– Ты, – вздохнула Катя, – и вообще получается, что ты ему больше мать, чем я.

– Вот и славно, – закричала я, кидаясь к каше.

Но поздно: высокая, белая шапка взметнулась над кастрюлькой и в то же мгновение выплеснулась на плиту. В кухне противно запахло горелым.

– Вот где настоящее горе, – пришла я в отчаянье, – теперь отскрести кучу посуды и плиту! И кашу заново варить! А ты из-за ерунды переживаешь. Прямо с утра сношусь в школу и погашу конфликт. Небось, дело выеденного яйца не стоит.

Утром мы с Кирюшкой пошли в школу вместе.

– Лучше сразу предупреди меня о всех своих шкодствах, чтобы я приготовилась к любым коллизиям, – попросила я.

Мальчик заныл:

– Я ничего плохого не делал!

– Кирюша! В данном случае я выступаю в качестве твоего адвоката, а законнику следует рассказывать всю подноготную, иначе он не сумеет помочь подзащитному.

– Ну, правда, – стонал Кирюша, – я даже не успел в класс подняться. Он на меня в раздевалке налетел.

– Кто?

– Богодасыр Олимпиадович!

Я притормозила.

– Кто?!

– Ну директор наш, Ласкин.

– Послушай, Кирюша, – тихо сказала я, – понимаю, что школа похожа на тюрьму, но ведь альтернативы нет, придется отсидеть весь срок до конца. Кстати, тебе уже недолго осталось, прикинь, каково сейчас первоклашкам. Так вот, можешь обзывать директора за глаза как пожелаешь, я не стану читать тебе лекции об уважении к старшим, но мне из-

воль сообщить его настоящее имя!

– Богодасыр Олимпиадович Ласкин, – засмеялся Кирилл.

Я тяжело вздохнула. Увы, Кирюша плавно въехал в такой возраст, который большинство родителей справедливо считает ужасным. И не знаешь теперь, как себя с ним вести. Начинаешь злиться, он плачет и кричит:

– Ты меня терпеть не можешь!

Станешь оказывать ему знаки внимания, возмущается:

– Я уже не маленький, отстань с подарками!

Одно я знаю точно: нудных нотаций читать нельзя. Лично я, тихая, послушная девочка, все детство просидевшая в обнимку с ненавистной арфой, еле-еле сдерживалась, когда моя мама начинала очередную беседу на тему «Родители плохого не посоветуют, слушай внимательно, хочу предостеречь тебя». Пустое это занятие – уберегать другого от своих ошибок. Спокойствие, Лампа, только спокойствие, начни сначала.

– Кирюша, скажи подлинное имя директора, – попросила я, – не могу же называть его кличкой, которую мужику дали любящие дети. Бего... до... па... надо же! И не выговорить!

– Ага, – кивнул Кирюшка, – я сам долго тренировался: Богодасыр Олимпиадович. Это его родное имечко. Расшифровываю первую часть. Богом данный сын своих родителей! Если сложить начало всех слов в фразе, и выходит – Богодасыр. А Олимпиадовичем он стал тогда, когда его отец ушел

от матери. Ласкин посчитал поступок папы предательством и официально поменял отчество. Говорят, он несколько лет потратил, чтобы ему такое разрешили. Ласкин дико злится, есть кто-то его имя путает, по-этому ты лучше сейчас повтори про себя: Богодасыр, Богодасыр... Ясно?

Я кивнула. В общем, да. В конце концов, ничего удивительного, сама живу с паспортом, где указано имя Евлампия¹.

– Вон он, – шепнул Кирюша, когда мы вошли в вестибюль школы, – Ласкин.

Не успела я открыть рта, как крохотный, лысый мужчик, размером чуть побольше нашей Фени, подлетел к нам и густым басом заорал:

– Романов! Мать твою привел?

Я вздрогнула, откашлялась и спокойно ответила:

– Твоя мать тут. Здравствуйте!

Но Ласкин, очевидно, был не настроен улыбаться.

– Немедленно отвечайте, как вам удалось воспитать такого!

Толстый палец директора, покрытый пятнами непонятного происхождения, уперся в Кирюшку.

– Ну, – протянула я, – в общем, просто. Хорошее питание вкупе с занятиями спортом, прогулки на свежем воздухе, вот и получился замечательный мальчик!

¹ История жизни Евлампии рассказана в книгах Дарьи Донцовой из серии «Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант». Издательство «Эксмо».

Ласкин вытаращил глаза.

– Идите-ка сюда, сейчас покажу, как он ведет себя!

Я удивилась. Неужели директор с упоением примется сейчас мазать клеем полы, запихивать спички в рот скелету и бить окна? Может, лучше не демонстрировать мне всяческие шалости, а попросту спокойно рассказать о них?

Схватив за плечо, Богодасыр поволок меня в глубь раздевалки. Сентябрь в этом году выдался дождливым, и на полу не слишком просторного помещения валялось много курток разного размера. Для детской одежды явно не хватало вешалок.

– Вот, – ткнул пальцем Ласкин в стену.

Я с удивлением посмотрела в указанную сторону. Сбоку прибиты крючки, более широкие и удобные, чем остальные.

– Видите! – не успокаивался директор. – Надпись заметили?

Мой взгляд переместился чуть выше и уперся в плакат: «Крючки только для учителей».

– Прочитали? – рявкнул Ласкин.

– Ну да!

– Знаете, что сделал ваш хулиган?

– Нет, – растерялась я.

– Он подошел ко мне и спросил: «А куртку сюда можно повесить?»»

Приступ хохота подступил к моему горлу.

– Действительно, нехорошо, – сдавленным голосом про-

бормотала я, — если крючок предназначен для преподавателя, то вешать на него верхнюю одежду не слишком этично!

— Очень рад, что мы с вами нашли общий язык, — помягчел директор, — вы должны наказать Романова.

— Всенепременно.

— Лишить его компьютера, телевизора, плеера, походов в кино и мороженого на полгода! — плотоядно воскликнул Ласкин.

— Конфисковать имущество и расстрелять, — вырвалось у меня.

Ласкин напрягся.

— Не вижу ничего смешного. Мальчик нахамил директору и должен быть выпорот ремнем, иначе я лишу его занятий на месяц.

Я представила себе ликование Кирилла, когда тот узнает, каким образом Богодасыр решил проучить его, потом сообщила, что Лиза мгновенно перебьет все окна в школе, дабы получить такой же «срок», и воскликнула:

— Вот на это вы не имеете права. Маргарита Михайловна говорила, что отстранение от занятий теперь строго-настрого запрещено. Даже из класса во время урока ребенка выгнать нельзя, это нарушение права на получение знаний.

Услыхав имя своей начальницы, дамы, заведующей образованием в нашем околотке, директор насторожился.

— Маргарита Михайловна? А вы ее знаете?

— Очень хорошо, — усмехнулась я.

– Откуда? – продолжал любопытствовать Ласкин.

– Она моя подруга, – ответила я, – близкая, в халатах друг к другу ходим.

Самое интересное, что это правда. Маргарита поселилась в квартире, расположенной под нами, не так давно, и она теперь регулярно прибегает к нам в пижаме и бигудях, потому что кто-нибудь из Романовых обязательно забудет закрыть кран в ванной и несчастной Маргарите на голову льется вода. За последний год мы трижды обновляли побелку в ее квартире. Потом Сережке пришла гениальная идея в голову. Он вызвал мастеров, и те установили у Риты натяжные потолки, а у нас сенсорные краны, такие, которые сами собой перекрывают воду после того, как вы заканчиваете мыться. Теперь в доме тишь да гладь, божья благодать. Но Рита, привыкнув носиться к нам скандалить, стала забегать просто так, на огонек, и мы подружились.

– Сразу надо было сказать, – окрысился Ласкин.

– О чем? – ухмыльнулась я.

– О дружбе с Маргаритой Михайловной, – буркнул директор.

Я пожалала плечами. Ну согласитесь, странно отпускать ребенка на занятия, повесив ему на шею табличку: «Мама мальчика часто пьет чай с главной начальницей по образованию».

– Кирилл хороший мальчик, – затряс хвостом Ласкин, – активный и неординарный.

– Значит, я могу идти домой? – уточнила я.

– Конечно, конечно, – закивал Богодасыр.

Я вышла на крыльцо. Так, раз уж пришлось в подобную рань оказаться на улице, то использую время с толком, съезжу на рынок, куплю хорошего мяса и сварю борщ. Летом мы ели окрошку и холодный свекольник, а сегодня Юлечка, посмотрев на дождь, сказала:

– Горячего супчика хочется. Сделай одолжение, Лампудель, не готовь на ужин салат из капусты! Мой организм жаждет отвратительно жирных, вредных для здоровья котлет и наваристого борщика.

Однако как легко разрешаются проблемы, если вы имеете в подругах Риту. Безобразник Кирюшка мигом трансформировался в хорошего мальчика. Его хулиганистость теперь называется активностью, а неумение себя вести неординарностью. Только не следует думать, что Кирюша ухитрился столь радикально измениться всего лишь за пару мгновений. Просто Богодасыр посмотрел на проблему, так сказать, с другой стороны и понял: не все так плохо! У Кирюшки имеется масса достоинств, и одно из них: дружба его родственников с непосредственным начальством директора.

В самом великолепном настроении я приехала на рынок и стала ходить между рядами, выбирая кусок грудинки. Звонok мобильного застал меня в самый неподходящий момент: когда слишком улыбчивая торговка бухнула на весы шматок

мяса. Стрелка запряслась, я уставилась на нее во все глаза. На базаре следует быть внимательной. Заеваешься, мигом обсчитают.

– Лампуша, – заканючило из трубки, – все! Доконал меня окончательно! Полностью!

Я оперлась на прилавок. Ох, не зря Сережка упрекает меня в глупости! Ну сколько раз он твердил:

– Лампудель, внимательно смотри на определитель номера. Для чего я его тебе поставил? Да чтобы облегчить жизнь! Если не хочешь болтать со звонящим – не отвечай. Все очень просто.

Мне понравилась идея с определителем номера. Наверное, у всех случаются моменты, когда не хочется общения, но ждешь важного звонка, поэтому и хватаешь трубку. Определитель уберезет вас от зряшных контактов, одна беда, я постоянно забываю поглядеть на выскочившие на дисплее цифры и оказываюсь в идиотском положении. Ну что мне стоило проявить внимательность? Сейчас бы, преспокойно купив грудинку, я уже торопилась бы домой со всех колес, успела бы и супчик сварить, и книжку почитать. Но теперь замечательным планам пришел кирдык. С той стороны провода Оля Белкина, или Ляля, или Леля, она отзывается на любое из этих имен, а еще она меньше двух часов разговаривать не привыкла, и подавляющую часть беседы составляют жалобы Ольги на тяжелую жизнь. Поняв, какое несчастье со мной случилось, я быстро сказала:

– Леля, давай поговорим позднее, у меня мало денег на телефоне.

– Ладно, – неожиданно согласилась она.

Я насторожилась, победа далась слишком легко, что-то тут не так. Белкина не привыкла сразу сдавать позиции.

– Ты где? – воскликнула Оля.

– На рынке.

– Когда вернешься?

– Через час, – быстро соврала я.

На самом деле езды до нашей квартиры меньше пяти минут, в переулке, по которому мне предстоит сейчас ехать, никогда не случается пробок. Но я хотела спокойно сварить суп.

– Ты поторопись, – велела Леля.

– Постараюсь.

– Да уж, поспеши, а то мне неудобно в таком положении на подоконнике сидеть, – сообщила она.

Я вздрогнула.

– Где сидеть?

– На лестнице, – ответила Оля, – около твоей запертой двери. Я поругалась с Генкой! Все! Конец! Надеюсь, пустите меня к себе на время? Не выгоните беременную женщину вон?

Я не удержала пакет с грудинкой, он шлепнулся на пол, издав короткий звук «чавк».

– Давай, Лампа, побыстрей, – заныла Белкина, – а то уже

поясницу надуло. Ох я бедная, несчастная, горемыка.

Я подняла кулек и попыталась избавиться от Белкиной.

– Олечка, езжай домой, Гена, наверное, волнуется!

– Ни за что!

– Но ты же не можешь бросить своих любимых черепашек, – цеплялась я за последнюю надежду, – они умрут без мамы.

– Я взяла их с собой, – последовал ответ, – неужели, потвоему, я способна оставить деток Гене, безответственному, неаккуратному, отвратительному...

– Ты приволокла на себе пятидесятилитровый аквариум? – снова уронила я грудинку.

– Нет, конечно, – возмутилась Ольга, – черепашки в банке. Поторопись, мне плохо, еще рожу тут, на лестнице.

– Не надо! – заорала я и побежала к машине.

Глава 2

Оля дальняя родственница Кати, настолько седьмая вода на киселе, что никто точно не сумеет сказать, кем женщины приходится друг другу. Троюродные внучатые племянницы сводной тетушки пятой жены первого мужа Кати. Понятно? Мне нет. Но Оля довольно часто прибегает к Кате и на правах близкого человека активно вмешивается в жизнь семьи Романовых. Пару раз у Катюши возникали с ней достаточно серьезные конфликты. Белкина моложе Катюши, но это не мешает ей считать себя умной, хорошо разбирающейся во всех жизненных коллизиях дамой, а Катюшу существом, которое каждый может обвести вокруг кольца. Когда Сережка надумал жениться на Юле, Ольга устроила натуральный скандал с рефреном: «Нечего матери на шею еще одну нахлебницу сажать!»

Парень тогда страшно обозлился и заявил:

– Мамуля, выбирай: либо я, либо Леля.

Думаю, вам не стоит объяснять, каким было решение Катюши? Честно говоря, она попала в сложное положение. С одной стороны сын – разгневанный сверх всякой меры, с другой – родственница, плачущим тоном скулящая:

– Я ничего плохого не сделала! Просто хотела тебя, Катюшечка, защитить.

Прошло некоторое время, и ситуация разрулилась сама

собой. Оля теперь нежно зовет Сережкину жену «Юляша» и восклицает:

– Не всем так с невесткой повезло, как нам.

Второй напруг случился, когда Катюша, подобрав меня на дороге, привезла домой и сделала членом семьи². Не прошло и недели, как Оля заявила в гости днем, когда никого, кроме меня, дома не было, и расселась на кухне. Вернувшийся с работы Сережка, увидав ее, бесцеремонно воскликнул:

– Чего ты тут делаешь?

Белкина выключила телевизор и с укоризной ответила:

– Да вот, за прислугой гляжу! Нашли бог знает где, ни документов, ни рекомендательных писем не имеет. Еще сопрет что-то ценное и удерет. Но ты не волнуйся! Я тут на страже.

Выслушав спич, Сережка начал издавать такие гудки, что я от страха заперлась в туалете. Белкина ушла, плача и причитая:

– Ну вот! Так всегда! Я хотела лишь помочь.

Но теперь мы подружились, и Оля обожает жаловаться мне на тяжелую жизнь. Белкина странный человек, она похожа на ребенка. Сначала при виде незнакомой личности Леля настораживается и моментально обвиняет бедного человека во всех грехах. Потом, успокоившись, разбирается в ситуации и начинает дружить с тем, кого еще вчера готова была сжить со свету.

² См. книгу Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника». Издательство «Эксмо».

Единственные, кто не вызывает при первой встрече у нее агрессии, – это животные. Леля страстно любит собак, кошек, черепах, змей, куриц... Она не способна прихлопнуть таракана и является воинствующей адепткой партии «Зеленых». Белкина не ест мяса, не носит шубы и предпочитает обувь из искусственной кожи. Я тоже никогда не посмею обидеть животных, но способна спокойно лакомиться жареной курочкой. Наверное, во мне нет столь всеохватывающей любви ко всему живому. Нет, поймите меня правильно, если данная цыпа росла у нас во дворе и клевала с руки зернышки, мне слабо сварить из несушки суп. Но, так сказать, обезличенную особь, обитавшую на птицефабрике, я спокойно засуну в кастрюлю. Наверное, это плохо, следует быть добрее, но ведь и кушать очень хочется.

Взлетев на наш этаж, я обнаружила зареванную Лелю, прижимавшую к груди банку с черепашками.

– Моя жизнь закончилась, – торжественно возвестила она, – все!

Я покосилась на ее выступающий под тонким плащом живот, открыла дверь и велела:

– Мой руки и иди на кухню!

Белкина пошлепала по коридору. Я ощутила укол жалости. Леля маленького роста, она даже ниже меня, а веса у Ольги до недавнего времени не имелось совсем. Это сейчас, в связи с беременностью, она стала похожа на шарик, но

только сбоку. Сзади Белкина глядится, как всегда, крохотной и тощей. А еще мои домашние тапки ей велики, и Леля шаркает своими маленькими лапками, а подметки бьют ее по пяткам.

Между нами говоря, особых причин для горя у Ольги никогда не было. В отличие от Катюши, которой с самых ранних лет пришлось впрягаться в работу, чтобы прокормить себя и Сережку, Олечка вполне благополучно жила за спиной у родителей, которые делали все для дорогого дитятка. Мама Оли любила повторять фразу:

– Я абсолютно объективно, поверьте, умею оценивать окружающих людей, но лучше Олечки никого нет.

Поэтому Белкиной не пришлось особо мучиться, думая о хлебе насущном. Мама и папа успели перед смертью настелить толстый слой соломы на ухабистую дорогу жизни, и Леля теперь может спокойно изредка падать.

Пока Анна Семеновна была жива, у Лели не имелось никаких проблем. Дома всегда ее ждала вкусная еда, в шкафу висела красивая одежда, а если Олечка задерживалась, мамочка заботливо стелила ей постель. Все материальные заботы взял на себя папа, тихий, совершенно затюканный активными супругой и дочерью, Григорий Павлович. Профессор, доктор наук, довольно известный ученый, он часто ездил на всякие конференции и симпозиумы, издавал книги, писал статьи, в общем, крутился как мог. Одно время даже, напле-

вав на свой статус, занимался репетиторством. В общем, ни Анна Семеновна, ни Леля не голодали и не одевались в секонд-хенде, а на пальчиках у них сверкали дорогие кольца.

Но потом судьба сделала резкий крен. Леля в один год стала круглой сиротой. Анна Семеновна скончалась от сердечного приступа, а Григорий Павлович попал под машину.

Я очень хорошо помню, как узнала о его смерти. Леля вошла в нашу квартиру, рухнула на стул и закричала в голос:
– Папа умер!

Мы бросились к бедняжке и попытались ее утешить. Через пару часов, когда Леля выплакала все слезы, Катя осторожно сказала:

– Лелечка, ты не волнуйся. Сейчас мы займемся похоронами.

– Его увезли, – прошептала Оля.

– Кто?

– Куда?

– Зачем? – посыпались из нас совершенно естественные вопросы.

– Папин двоюродный брат, – снова заплакала Леля, – мои родители ведь из Лапина, такого маленького городка, они в Москву учиться приехали и остались. В Лапине на кладбище у Белкиных склеп имеется, вот там папочку и упокоят. Он завещание оставил, а в нем четко написано: «Хочу после смерти лежать рядом с родителями».

– Но Анна Семеновна-то на Ваганькове, – некстати ляп-

нула я.

Оля шмыгнула носом.

– Да, только папа хотел к своим, а последнюю волю нарушать нельзя. Вообще-то они с мамой давно в разводе были.

– Не может быть! – изумилась Катя. – Ты никогда не говорила нам об их разрыве.

Леля опустила голову.

– А чего трепать? Бумаг не оформляли, официально супружками считались, но фактически давно в разных комнатах жили.

Через три месяца после смерти отца Оля выскочила замуж за преданного поклонника Гену. Мне было непонятно, отчего Ольга раньше не связала себя с ним узами брака. Гена невероятно походил на Григория Павловича, такой же тихий, неконфликтный, слегка близорукий ученый, любимый аспирант Белкина, его воспитанник и протеже.

Учитывая недавнюю смерть родителей невесты, шумного застолья устраивать не стали, просто сходили в загс, а потом очень ограниченным кругом заглянули в кафе.

Жить бы Оле да радоваться, каждый день повторяя: «Милый боженька, спасибо за заботу! Сначала ты дал мне замечательных родителей, а потом отличного мужа», – но Белкина никогда не бывает довольна, ничем. Имея заботливых маму с папой, она прибегала к нам, давно похоронившим своих родителей, швыряла в прихожей на пол шубку, кидалась в гостиную на диван и начинала жаловаться. Основной темой

ее нитья было то, что предки не дают дочери никакой свободы, лишают Ольгу права на личную жизнь, не разрешают даже самой выбирать одежду.

– Хорошо вам, – стонала Ольга, оглядывая нашу, давно требующую ремонта квартиру, – живете в свое удовольствие, а я томлюсь в золотой клетке.

Как-то раз я, устав слушать весьма надоевшую песню, сказала:

– Если все так плохо, уходи от родителей.

– Это как? – распахнула глаза Оля.

– Очень просто, – улыбнулась я, – сними комнату и живи одна.

– С ума сошла? – вытаращила глаза Белкина. – У меня денег нет!

– Заработай.

– Где?

– На службе. Насколько я понимаю, ты сейчас посвящаешь службе два часа в день. Смени место, впрягись в работу, и оклад возрастет.

– Офигеть! – всплеснула руками Оля. – У меня же подозрение на гастрит! Как с такой болячкой работать!

Я потеряла дар речи. Гастрит. Действительно, малопрятная штука, но, с другой стороны, не смертельная. Просто Белкиной очень нравится вызывать к себе жалость, к тому же она патологическая лентяйка.

Уж не знаю, что Генка нашел в Ольге, может, он, сначала

студент, а потом аспирант Григория Павловича, просто привык к Ляле? Гена давно ходил в дом к Белкиным и также давно пытался ухаживать за дочерью своего профессора. Если кто из вас сейчас предположил, что Генка Константинов – мальчик из глухой провинции, решивший при помощи выгодного брака укорениться в столице, то он жестоко ошибается. Отец Гены был директором одного из московских заводов, а мать известным врачом-гинекологом, никаких материальных проблем в семье не имелось, единственного сына родители обожали, и после их смерти парню досталась просторная квартира, дача и все нажитое имущество. Генке просто нравилась Оля, у него было желание опекать хрупкую, болезненно бледную девочку, но Белкина относилась к кавалеру высокомерно. Цветы она благосклонно брала, в театр с юношей ходила, но и только. Их роман давно принял вялотекущие формы и застыл на одной точке, никак не желая развиваться. Но потом Оля осталась без родителей, а Гена начал активно заботиться о ней и добился успеха. Оля пошла с ним в ЗАГС, правда, фамилию она себе оставила прежнюю – Белкина.

Теперь характер стонов Лялечки изменился. Родителей она моментально канонизировала и, забыв о том, как самозабвенно жаловалась на них, стала без конца рассказывать про маму и папу, вздыхая и повторяя при этом:

– Да уж, вот кто меня бы никогда в обиду не дал! Милые, любимые, ну почему они этот свет покинули?

Я, честно говоря, не очень верила Белкиной. Точнее, не то чтобы не верила, нет, Оля искренне убивается по рану ушедшим на тот свет Анне Семеновне и Григорию Павловичу. Просто Белкина человек, полностью оправдывающий пословицу «что имеем, не храним, потерявши – плачем». А еще ей постоянно требуется повод, для того чтобы напоминать окружающим: она, Лялечка Белкина, очень несчастна, ее следует постоянно жалеть. Ну согласитесь, что звание сироты вызывает у многих людей желание посочувствовать человеку. Оля не умеет быть счастливой. Привычнее всего она ощущает себя, заливаясь слезами и издавая стоны.

Выйдя замуж за Гену, Лялечка получила новый повод для страданий. Теперь она оказалась глубоко несчастной женой, горе выливалось из нее потоком. Гена мало зарабатывает, Ляля голодает. Естественно, это было неправдой. Генка приносит в дом нормальные деньги, но, сколько бы он ни приносил в клювике, его женушка морщила нос и бормотала:

– Мало, надо больше.

Гениальная фраза! Если Генка сидит дома – он лентяй. Коли носится по городу – негодяй, который бросил жену. Идет с Ольгой в театр – принуждает усталую супругу сопровождать его, отказывается посетить концерт – лишает несчастную Лялечку единственной радости в жизни. Ест ужин – потекает нездоровому чревоугодию, удерживается от приема пищи – ведет себя омерзительно: Лялечка готовила – и каков результат.

На мой взгляд, Гена просто святой, потому как на все Ольгины закидоны он реагирует одинаково, ласково улыбается и, сказав:

– Конечно, дорогая, ты права, – утыкается носом в очередную книгу.

Его неконфликтность Ляля гневно называет пофигизмом, мягкость характера больше всего злит Ольгу, она готова растоптать того, кто не вступает с ней в прения или спор. Впрочем, стоит наорать на Лялю, как та делается с вами надолго, если не навсегда, шелковой.

Один раз, когда Ляля уж слишком распоясалась, Володя Костин сочувственно сказал:

– Слышь, Генаша, раньше у мужиков на видном месте в избах вожжи висели!

Генка ответил:

– Олечка замечательный человек, просто мы с ней по темпераменту не совпадаем.

– Белкиной достался бриллиант, – не выдержала Юлечка, – она его не заслужила!

– Да уж! – подхватил Сережка, и минут пять вся наша семья с упоением осуждала Ляльку и давала советы Генке, каким образом следует бороться со сварливостью жены.

Я участия в забаве не принимала. Мне жалко было Ольгу, она не умеет жить счастливо, проводит дни так, словно у нее на спине лежит бетонная плита. Конечно, никакой тяжести и в помине нет, Леля сама придумывает себе неприятности,

но ведь от этого ей не легче. Иногда мне кажется, что, если, не дай бог, с Генкой приключится несчастье и Белкина останется одна, то плохой сейчас во всех отношениях муж мигом станет святым, и следующий супруг Ольги будет обречен до конца дней выслушивать рассказы о том, каким замечательным, красивым, умным, богатым, талантливым, работоспособным был Генчик и насколько он, новый супруг, далек от идеала.

Но Генка, слава богу, жив и здоров, и конфликтов с Ольгой у него не бывало. А уж когда жена забеременела, он и вовсе начал баловать ее безмерно. Впрочем, вначале, когда Ольга объявила о том, что скоро станет матерью, мне показалось, что Белкина изменилась, но потом все началось заново, и сейчас, на мой взгляд, ее поведение не укладывается ни в какие рамки. Раз в два дня она устраивает Гене страшный скандал и с воплем:

– Все! Закончено! Делаю аборт, – прибегает к нам.

Мы поим ее чаем, выслушиваем стенания, укладываем спать, а поздно вечером приезжает Генка и, присюсюкивая:

– Лялюсик, мой дорогой, ты уже успокоился? – увозит истеричку домой.

Поняв, что мне предстоит опять наблюдать за беснующейся Белкиной, я велела:

– Иди на кухню.

– Лучше в гостиную, – уперлась Ляля, – там диван есть,

на стуле мне тяжело сидеть!

– Хорошо, – кивнула я, – ты ложись отдыхать, а мне надо борщ варить.

– Ага, – скуксилась Ляля, – вот ты какая! Я пришла в слезах, а у мадам Романовой суп на уме. Ладно, так и быть, буду мучиться на кухне.

Глава 3

Сунув грудинку в кастрюлю, я безнадежно поинтересовалась:

– Что на этот раз?

Ляля зарыдала, сквозь слезы и сопли стали прорываться слова:

– Генка уехал в Лапин! На машине!

– И что?

– Как это? Бросил меня! А вдруг я рожу завтра?

– У тебя срок еще через две недели!

– Все равно! Вот он какой! Вышвырнул жену.

Я порезала лук и пожала плечами.

– Успокойся. Выполнит дела и вернется.

– Нельзя оставлять беременную жену.

– Но ведь Гена на работе!

– Нет! У него три свободных дня!

– Да? Зачем же он отправился в Лапин?

– Вчера позвонила тетка, которая следит за могилой папочки. На кладбище вандалы поработали, надгробную плиту исписали, – вопила Ольга, – Гена поехал ее в порядок приводить! Меня кинул! Укатил и не звонит! Не волнуется о супруге.

Я принялась шинковать капусту. Никакого желания утешать Ольгу у меня не появилось.

– Сделаю аборт! – злилась Белкина. – Все! Так ему и надо! Не получит ребенка!

Стараясь сохранять спокойствие, я схватила терку. Нет, теперь поздно думать о прерывании беременности. Даже если вызвать искусственные роды, младенец появится на свет вполне жизнеспособным.

Впрочем, равнодушно на заявление об аборте прореагировали и все прибежавшие вечером домочадцы. Ни Катя, ни Сережа, ни Юлия ничего не сказали Оле. Я же, утомленная целым днем общения с Белкиной, ощущала себя словно выжатая тряпка. Поэтому, едва семья расселась за столом, у меня вырвалось:

– Очень голова болит.

– Иди, Лампудель, полежи, – сочувственно сказал Сережка.

– Ага, – мигом отреагировала Оля, – а мне-то как плохо...

Не желая слушать очередную порцию жалоб, я убежала к себе и рухнула в кровать. Вот странность, вроде я ничего не делала, успела лишь сноситься на рынок и сварить борщ, все оставшееся до вечера время прошло в праздности, потому что ноющая Белкина требовала к себе внимания. Но почему же я устала так, словно пару раз взобралась на вершину Останкинской телебашни, таща на плечах мешок с кирпичами? Вернее, не так! Бегая по ступенькам, утомишься физически, а я убита морально. Наверное, глупо звучит, но это так.

А еще меня душит жаба. Пару дней назад Белкина взяла у меня большую сумму в долг, ей хотелось купить себе новое кольцо. У Гены же тощий карман, и он предложил жене скромную цепочку. Олечка сначала устроила мужу скандал, потом принеслась ко мне и вытянула почти все подкожные, пообещав:

– К Новому году отдам.

Белкина умеет добиваться своего. Я дала ей целых три тысячи долларов и вот теперь мучаюсь жадностью. Я очень хорошо понимаю: долг вернется не скоро. В этом вся Белкина, она всегда получает то, чего хочет, попросту «ломает» человека.

Темноту прорезал громкий, надрывный крик. Я вскочила, не поняв спросонья, кто это визжит. В коридоре поднялась суматоха.

– А-а-а!

– Лялечка! Тише.

– Скорей, воды!

– Юля, неси шприц.

– А-а-а!

– Позовите Костина!

– Вовка-а-а! Скорей!

– Лизавета, таз!

– Несите ее в комнату.

– А-а-а!

Нашарив ногами тапки, я вылетела из спальни и столкну-

лась с Вовкой.

– Что? – нервно спросил майор. – Кому плохо?

– Не знаю!

Из ванной выбежал Кирюша с большим полотенцем.

– Гена умер, – закричал он, – Оле только что на мобильный позвонили.

Я схватилась за стену и машинально глянула на часы. Всего лишь десять вечера. Я заснула от усталости, вот и показалось, что уже глубокая ночь.

– Как умер? От чего?

– В аварию попал, – бормотнул мальчик, – никаких подробностей не знаю! Мама Лялю сейчас в свою больницу повезет, в отделение, где беременность сохраняют.

– На машине разбился! – ахнула я.

Костин быстрым шагом двинулся по коридору, я осталась стоять у косяка, пытаюсь справиться с головокружением.

Гена попал в аварию? Он умер? Нет, такого просто не может быть! Произошла ошибка, кто-то просто по-идиотски пошутил.

Но, увы, я ошибалась. На следующий день мы уже знали всю правду. Гена, очень аккуратный, всегда трезвый водитель, по непонятной причине не справился с управлением, причем на самом опасном участке. На трассе Москва – Лапин есть одно место, где дорога сначала делает резкий поворот, а потом сразу отвесно идет вниз. Выкрутив руль, водитель должен мгновенно начинать тормозить, впереди мая-

чит мост через довольно глубокую реку. Сколько народу разбилось на этом отрезке, и не сосчитать. ГАИ повесила соответствующие знаки, но все равно кое-кто из водителей, проигнорировав сообщение о крутом повороте, вылетает за пределы дороги, далее варианты разнятся. Одним везет, они не добираются до моста, оказываются в овраге и имеют шансы выжить. Другие же, проломив хлипкое ограждение, летят с приличной высоты в воду. В случае с Геной события развивались по второму сценарию, причем приняли они самый худший оборот.

Авария произошла под утро, шоссе в этот час практически пусто. Только в восемь водитель грузовика, следовавшего в Москву, заметил проломленное ограждение и сообщил о неприятности на пост ДПС. Отчего остальные шоферы равнодушно проносились мимо – непонятно. Может, они полагали, что милиция уже в курсе произошедшего и не стоит лишний раз дергаться? Не знаю, эти или какие другие мысли бродили в головах у людей, мирно уносящихся прочь от места трагедии, но факт остается фактом: только к полудню на берегу реки оказались водолазы и необходимая техника. Машину довольно быстро выволокли на берег, по номеру установили владельца, связались с Москвой. В общем, тягомотина длилась до позднего вечера. Ляле позвонили в двадцать два часа. В тот день, когда она, прибежав ко мне, жаловалась на невнимательного мужа, бросившего на пару дней жену, чтобы привести в порядок могилу тестя, Гена уже был давно

мертв.

Самое ужасное, что тело его обнаружили не сразу. Водолазы методично обшаривали дно, но труп, простите за дурацкий каламбур, словно в воду канул. То ли его унесло течением, то ли затянуло в омут. И лишь когда уже было принято решение прекратить поиски, тело Геннадия нашлось.

Лялю Катя поместила в клинику. Правды Белкиной мы не рассказали. Задержку с похоронами Костин объяснил просто:

– Олечка, Гена-то погиб не в Москве, надо соблюсти кучу формальностей, они занимают не один день.

Ничего не понимающая Белкина только кивала. Больше всего я боялась, что тело не обнаружат и придется сообщить Ляльке истину. Но потом из Лапина последовал звонок, и у меня отлегло от сердца.

Хоронили то, что осталось от Гены, в закрытом, цинковом гробу. На кладбище приехали все коллеги Гены, его любили и уважали на работе, а еще у могилы собрались многочисленные друзья, мы в том числе. Не было лишь Ляли. Накануне похорон она родила мальчика, сразу названного Генной. И большинство участников скорбной церемонии тупо повторяло фразу:

– Ну вот жизнь какая штука! Смерть и рождение рядом, один Гена ушел, другой появился на свет.

Но лично меня создававшаяся ситуация нисколько не радовала. Лялька находилась не в лучшем состоянии, хоро-

шо еще, что младенец не пострадал. Геночка родился здоровеньким, крепеньким и, явись он на свет при других обстоятельствах, стал бы поводом для обильных возлияний и веселья.

Из роддома Лялю выписали через две недели, и мы привезли ее к нам. Когда Белкина вошла в квартиру, Катя ловко выхватила у нее сверток с ребенком и велела:

– Иди ложись, я займусь малышом.

– Куда? – тихо спросила Оля.

– Ко мне в комнату, – затарахтела Лиза, – не сомневайся, там очень удобно, два окна, светло, тепло, вещи твои разложены, кровать мы Геночке купили, коляску тоже, приданое собрали.

– А ты где спать будешь? – по-прежнему тихо осведомилась Ляля.

Я тяжело вздохнула. Надо же, как ее ушибло. Раньше Белкиной бы и в голову не пришло задать подобный вопрос. Еще в начале сентября Ляля абсолютно искренне считала, что люди созданы для того, чтобы о ней заботиться.

– Не волнуйся, – махнула рукой Лизавета, – проживу вместе с Лампой, нам очень хорошо вместе, правда?

Я быстро закивала.

– Конечно, ступай, Лялечка, отдохни!

Белкина, поддерживаемая Юлей и Кирюшей, побрела по коридору.

– Что же теперь делать станем? – растерянно спросил Вовка, вслушиваясь в негодующий крик голодного младенца.

– Воспитывать Гену, – отчеканила Лизавета. – Или прикажешь их с Олей выгнать?

– Белкина не справится с ребенком, – заявил Сережка, – никаких родственников у нее нет.

– А я разве против? – испуганно попятился Костин. – И вообще, вы меня не так поняли. Я совсем другое спрашивал: что делать? За памперсами ехать, фрукты покупать?

– Пока все есть, – вздохнул Сережка, – а там поглядим.

Первую неделю Ляля просто спала, просыпалась она лишь для того, чтобы поесть и принять прописанные доктором лекарства. Молока у нее не было совсем, поэтому Геночку я кормила из бутылочки, умиляясь его бодрому почавкиванию. Кровать малыша стояла около моей постели. Катюше каждый день надо ходить на работу, ее служба связана с большой ответственностью. Дрогнет у невыспавшегося хирурга рука со скальпелем – и случится непоправимое. Мне же, сотруднице радиостанции «Бум», на службу надо ходить всего пару раз в неделю, по-этому могу придавить подушку и днем. А еще я очень надеялась, что Ляля, придя в себя, займется мальчиком. Правда, сонливость Белкиной стала меня пугать.

Три дня назад я подошла к Кате и спросила:

– Что за таблетки пьет Оля? Такие длинные, желатиновые капсулы?

– Ей доктор прописал, – ответила Катюша, – витамины специальные, для недавно родивших женщин.

– Они со снотворным?

– Нет, конечно.

– А почему Ольга постоянно спит?

Катя вздохнула.

– Роды тяжелое испытание. Многие женщины потом впадают в депрессию, идет мощная гормональная перестройка организма, не всякой по плечу выдержать ее без проблем. Прибавь к этому стресс от случившегося с мужем. Сон – просто защитная реакция организма, надо подождать. Если через некоторое время Лялечка не начнет вести себя адекватно, тогда будем беспокоиться.

Но в понедельник, словно услышав наш разговор, Оля неожиданно вошла в мою спальню со словами:

– Покажи, как правильно пеленать ребенка.

Я обрадовалась и стала демонстрировать недавно полученные навыки.

Во вторник мне предстояло пойти на работу. Дома не было никого. Кирюшка и Лизавета учились, остальные сидели на службе.

– Справишься одна? – спросила я у Ляли.

– Конечно, – храбро ответила Белкина, – особых трудностей нет, поменять памперс да накормить, а выкупаем его, когда Лизавета придет.

– Вот и отлично, – обрадовалась я и побежала к лифту.

Ольга высунулась на лестничную клетку.

– Лампуша, купи черепашкам, наконец, аквариум, им в банке плохо.

– Может, привезти из твоей квартиры их прежний? – предложила я, быстро подсчитывая в уме предстоящие расходы.

Не считите меня жадной, но новорожденный – это дорогое, в прямом смысле этого слова, удовольствие. Кровать, коляска, всякие бутылочки, соски, распашонки, пеленки, ползунки, погремушки, памперсы... Я уже истратила все «подкожные», покупка аквариума пробьет брешь в семейном бюджете. А у Оли в квартире стоит замечательный дом для черепах, его следует просто доставить к нам.

– Нет, – закричала Ольга, – я не могу войти в ту квартиру, ни за что! Никогда! Там вещи Гены!

Я вздрогнула. Действительно. В суматохе, связанной с похоронами, рождением ребенка и болезнью Оли, мы начисто забыли о всяких хозяйственных хлопотах. Кому-то надо все же поехать домой к Белкиной и навести там порядок.

– Купи новый! – зарыдала Оля. – Не дам ключи! Нет! Не могу!

Я испугалась.

– Конечно! Прямо сейчас еду в зоомагазин!

– Можно завтра, – всхлипнула Ляля.

– Хорошо, как скажешь!

Белкина вытерла ладонью глаза.

– Извини, Лампуша, справиться с собой никак не могу. Господи, какого мужа потеряла! Лучшего на свете! Золотого, тихого, никогда он со мной не спорил, права не качал, зарабатывал отлично, заботливый, умный, красивый, чуткий...

Я грустно смотрела на Белкину. Ну вот, началось. Я предвидела подобный вариант развития событий. Очень скоро в комнате Оли возникнет портрет погибшего мужа, около него в вазе всегда будут стоять живые цветы, и Олечка неустанно примется рассказывать окружающим о том, каким необыкновенно прекрасным человеком был ее трагически ушедший из жизни супруг. Только Генке от таких речей сейчас ни холодно, ни жарко. Ну отчего Ляля в свое время не сказала мужу всех приятных слов, почему самозабвенно грызла супруга? Отчего она, только потеряв человека, начинает понимать его истинную ценность?

– Жаль только, что сын такой получился, – вдруг довольно сердито заявила Ольга.

Я вздрогнула.

– Ты о ком?

– У меня много детей?

– Нет, один Гена.

– Вот о нем и речь!

– Чем же младенец тебе не угодил?

Ляля закатила глаза.

– О-о-о! Кричит целый день!

– Понятное дело, он крошка.

– Ночь не спит!

– Случается и такое.

– Постоянно пишется.

– Это хорошо, почки нормально работают.

– Ест часто.

– Многие мамочки тебе позавидуют в подобной ситуации.

– Фу! Ужасный характер, – не успокаивалась Ляля, – совершенно непослушный! Одеваю его – орет. Сказала: замолчи! И не думает слушаться! Интересно, когда его можно в угол поставить, а? Говорят, правильное воспитание следует начинать прямо сразу, а то потом сладу не будет. Вон Кирюша какой получился! Двоечник, разгильдяй, болтун. Мне такого сына не надо. Мой должен стать иным. Да! Я не пожалею оплеух! Ребенка можно лишь при помощи страха в узде держать!

– Странно слышать подобные заявления из твоих уст, – рывкнула я, – насколько я знаю, Анна Семеновна и Григорий Павлович тебя пальцем никогда не тронули!

– Так и не за что было! – вскинула голову Оля.

– Да ну? А кто в восьмом классе в году три двойки имел?

– Ко мне учитель придирался, – возмутилась Белкина, – пришлось в другую школу уходить.

– А...

– Хватит, – обозлилась Ляля, – у младенца гадкий характер, сразу видно. Так когда его в угол поставить можно?

– В угол ты его сейчас сумеешь только положить, – сурово

ответила я, – не пори чушь. Все новорожденные ведут себя так же.

– Нет, – уперлась Оля, – вот беда где! Мне досталось невесть что! Ни сна, ни отдыха, ни покоя...

Я схватила сумку.

– Хочешь, чтобы Гена поспал?

– Да.

– Тогда вывези его на свежий воздух. Во время прогулки малыши дремлют.

– Попробую, – мрачно ответила Белкина, – несчастная я, сирота безмужняя. Никто мне не поможет, не пожалеет, не пригреет, не скажет доброго слова...

Я шагнула в лифт и молча нажала кнопку с цифрой «1». Все понятно. Бедный малыш! Вот уж кому нелегко придется, так это ему. Ляля затюкает ребенка, и я никак не сумею помешать процессу «воспитания».

Около станции метро мне попался лоток с детскими вещами.

– Сколько стоит вот эта шапочка? – спросила я у продавщицы.

– Пятьсот рублей, – зевнула тетка.

– Почему так дорого? – удивилась я. – Ей красная цена пятьдесят «деревянных».

Торгашка хмыкнула.

– Эксклюзив, бери, второй такой в Москве не найдешь.

– Да ну? – улыбнулась я. – Кто же шапчонку смастерил?

Лучшие модельеры мира? А может, английская королева лично ее камнями расшивала?

– Не нравится, не бери, – меланхолично ответила торгашка, – только это и впрямь штучная вещь. Соседка у меня есть, родила от испанца, он ей теперь шмотки из дома привозит. В последний раз припер чемодан, да ошибся. Ой, мужики, дубье железное! Снял мерку с ребятенка и уволокся, приехал через три месяца, а прикиды по тому, старому размеру припер. Ну не идиот ли?

– Неразумный поступок, – согласилась я.

– Вот Ленка и попросила продать. Одна шапка и осталась. Все мигом расхватали. Гляди, какая удобная, платочка под низ не надо, ушки прикроет, сбоку липучки, а на макушке буква вышита «G». Это «Г» по-нашему. Твоего как зовут?

– Гена.

– О! В самый раз! Бери, не пожалеешь. Сегодня и обновишь, вон ветер какой задувает, – тархтела торговка. – Ладно, скину, четыреста пятьдесят. И чего сомневаешься? Для мальчика лучше нет! Голубая! Буква твоя! А еще вон, на боку, мишка вышит, один глаз красный, другой синий, ну прикольно же! Неужто на мальчика денег жаль? Зачем их рожать, коли не баловать?

Я вытащила кошелек.

– Заворачивай.

Обрадованная тетка сунула крошечную шапочку в пакетик.

– Носите с удовольствием.

Я повертела в руках покупку, глянула на серое от туч небо, потом бросила взгляд на часы, рысью сносились домой и отдала шапочку Ляле со словами:

– Если гулять с Геночкой надумаешь, надень обновку, там сильный ветер.

Оля кивнула, я развернулась и почапала к метро, сейчас опоздаю на службу, мало не покажется.

Глава 4

Если работаешь в прямом эфире, то, естественно, выключаешь мобильный. Завершив передачу, я пошла в буфет: страстно захотелось кофе. Понимаю, конечно, что капуччино не следует употреблять вечером, но отчего-то организм требовал сей бодрящий напиток.

Сотовый я включила, лишь заказав вторую чашку. Ментально раздалось мерное попискивание, потом оно повторилось, раз, другой, третий. Я схватила телефон и испугалась: десять «писем». Знаете, я вовсе не принадлежу к людям, чей номер известен всему свету, на мой мобильный звонит малое количество народу, в основном лишь члены семьи да близкие подруги, и, если сейчас аппарат перегрелся, принимая смс-сообщения, значит, у нас случилось нечто экстраординарное.

Я ткнула пальцем в кнопки и соединилась с Лизаветой.

– Что произошло?

Из наушника донеслись рыдания, мне стало совсем плохо.

– Живо рассказывай, с кем беда? Катя? Юля? Вовка? Сережа?

– Нет, – всхлипнула Лизавета, – и мы с Кирюшкой в порядке!

– Собаки!!!

– Оля...

Понимаю, что вы меня сейчас осудите, но сердце стало биться ровней. Так, значит, Белкина снова изобразила нечто, дабы ее пожалели. Небось, придумала себе некую болезнь!

– Лизавета, – прервала я девочку, – теперь спокойно изложи ситуацию, без истерики и воплей.

– Сейчас, – всхлипнула девочка, – значит, так...

Когда смысл сказанного начал доходить до меня, я вцепилась рукой в столик, чтобы ненароком не свалиться со стула. Увы, на этот раз Ольга ничего не нафантазировала, с ней на самом деле случилась беда. Если очень долго прикидываться несчастной, то в конце концов таковой и станешь.

Вкратце, события разворачивались так. Первой домой после работы прибежала Юлечка, она ринулась на кухню, быстро поужинала и хотела рухнуть в кресло у телика. Но тут ее глаз зацепился за батарею чистых бутылочек на кухонном столике. Гена, как я уже упоминала, «искусственник», поэтому я поступаю просто: емкости, в которые наливают смесь, стерилизую один раз в сутки, в специальной кастрюле. Потом расставляю их на столешнице, где они и тоскуют, дожидаясь своего часа. И использованные складываю назад в стерилизатор, чтобы случайно не перепутать с чистыми. О заведенном порядке знают все, поэтому Юля впала в крайнее изумление. Сейчас, в самом конце дня, у стены должно было стоять всего две «стекляшки» с сосками, остальным предписывалось уже находиться в кастрюльке. Но под крышкой оказалось лишь две бутылочки. Выходило, что младенца по-

кормили только утром и в полдень, а потом за весь день он не получил ни капли еды. Затем Юлечка сообразила, что в квартире стоит абсолютная тишина, а у двери нет прогулочной коляски.

Удивившись еще больше, Сережкина жена побежала в комнату к Оле, но там оказалось пусто. Испуганная Юлечка отправила мне сообщение: «Где Белкина?» Но я сидела в эфире, и мобильный был выключен.

Мало-помалу домой подтянулись остальные члены семьи и начали строить предположения, куда могла подеваться Белкина. Ушла гулять? На целый день, не покормив ребенка! Уехала в гости? Но близких подруг у Ольги нет, во всяком случае мы о них ничего не знаем, и, опять же, она не взяла с собой бутылочку со смесью! Перебралась на свою квартиру? Обиделась на нас за что-то и решила жить самостоятельно?

Последнее предположение звучало совсем уж фантастично, но Сережка мгновенно съездил в дом Белкиной и вернулся назад со словами:

– Никого нет, над дверью лампочка горит, охрана не нарушена.

Потом всем одновременно в голову пришла дикая мысль: Лампа взяла их с собой на радио! Озвучила предположение Катюша. И мой телефон принялись засыпать сообщениями. Но я, не подозревая ни о чем, мирно работала, запихнув отключенный от сети мобильник поглубже в сумочку.

В конце концов вернулся со службы Костин. Выслушав

перебивающих друг друга Катю, Юлю, Сережу, Лизу и Кирюшку, он помрачнел и пошел к телефону. И скоро стала известна правда: на Олю напал грабитель, избил ее и бросил. Дело происходило на улице, не очень далеко от Садового кольца. Вроде шумное место, но уголовник затащил Ольгу в маленький, полукруглый дворик. Вход в него ведет через арку, никому из посторонних прохожих не придет в голову просто так заглянуть в крохотное пространство. Никакие жильцы там не ходят, потому что в двух домах – небольших постройках начала двадцатого века – расположена пейджинговая компания «Ом», там сидят операторы, передающие сообщения. Вообще говоря, в связи с повсеместным распространением и техническим усовершенствованием мобильных телефонов золотой век пейджеров закончился, но еще много людей пользуются этими устройствами.

Оля должна была погибнуть – открытая черепно-мозговая травма, да еще бедная Белкина упала прямо в лужу, в Москве сегодня лил с самого утра весьма холодный дождь. Наверное, преступник рассчитывал на то, что ограбленная им женщина скончается, а может, просто хотел по-тихому обстряпать черное дело, но, услышав вопли Ольги, стукнул ее по голове и удрал, не забыв прихватить ценности.

Но Белкиной повезло: спустя короткое время после произошедшего в укромное местечко заглянул мужик, решивший использовать тихий дворик в качестве бесплатного туалета. Увидав окровавленную женщину, дядька не удрал, а

развил бешеную активность: вызвал «Скорую», которая привезла Лялю в институт Склифосовского.

– Мы сейчас все здесь, – бубнила Лиза, – стоим, ждем Катью, она с врачами разговаривает.

– Еду, – закричала я и, горько сожалея о том, что не взяла сегодня свою машину, понеслась на улицу ловить такси.

Юля и Лиза сидели на жесткой скамейке в пустом коридоре.

– Где Гена? – закричала я, увидав их. – С мальчиком все в порядке?

Лизавета заморгала.

– Его нет, – прошептала Юля.

Мои ноги внезапно подогнулись как пластилиновые.

– Он умер! – вырвалось у меня.

– Всегда надо надеяться на лучшее, – выдавила из себя Лиза.

Я уставилась на девочку.

– Лизавета! О каком «лучшем» может идти речь, если младенец скончался.

– Мы не знаем точно, что с ним, – прошелестела Юля.

– Как это? – вздрогнула я.

– Гена исчез!

– Что?! Но это невозможно!

– Олю привезли сюда одну, – стала объяснять Лиза, – Гены при ней не было. Сейчас Володя пытается реконструировать

ситуацию. Лёня...

– Кто это? – перебила я девочку.

– Леонид Майский, мужчина, который нашел Олю.

– Ясно, продолжай!

– Он ничего не знал о младенце, в непосредственной близости малыша не было, – зачастила Лизавета, – ну откуда Леониду знать, что Ляля недавно родила? «Скорая» привезла сюда ее одну!

Я схватилась за сердце.

– Боже мой! Мальчик остался там! Один! В коляске!

– Нет, – мрачно ответила Юля, – во дворе никого нет! Кирюшка каждую травинку просмотрел. Только узнал, что Ляля без мальчика, всех опросил, откуда ее привезли, и ринулся в тот двор!

– Где же Геночка? – в полном изнеможении выдохнула я. – Куда он подевался?

Юля зарыдала, а Лизавета фальшиво-бодро воскликнула:

– Ну, у Володи родилась совершенно правильная идея. Скорей всего, дело обстояло так! Коляска стояла в самой глубине двора, там есть такой куст, раскидистый. Закатила Лялечка туда Гену, а сама отошла покурить, нехорошо ведь, когда на малыша дым валит! А тут грабитель! Оля упала и осталась лежать. Затем пришел Леонид, который попросту не заметил коляски. Геночка тихо спал, когда «Скорая» увозила мать. В конце концов он проснулся, заплакал и кто-то обнаружил ребенка. Вот Костин сейчас и проверяет, вызы-

валась ли во двор вновь милиция и в какую детскую больницу отправили Гену. Его найдут и отдадут нам.

– Ты полагаешь? – перестала плакать Юля.

– Конечно, – с жаром воскликнула Лиза, – стопудово! Лампа, скажи?

Я кивнула, хотя больше всего на свете мне хотелось воскликнуть: «Ну и глупость! Эта версия не выдерживает элементарной критики!»

Стоит лишь призадуматься, как возникает множество вопросов. С какой стати Оля поехала в район Садового кольца? Зачем она прихватила Гену? Если Белкиной требовалось с кем-то встретиться, отчего она не сделала это в другой день, я охотно вожусь с малышом, мне совершенно нетрудно покараулить его, пока Ляля будет носиться по городу. Леонид не увидел коляску? Ну, такое вполне могло быть, ладно, допустим на минутку, что он близорук. Но ведь после того, как Лялю увезли, на место происшествия прибыли милиционеры. Они тоже не заметили коляску с младенцем? Потоптались две секунды во дворике и отбыли восвояси? Ну... бывает! Почему Оля убежала из дома в спешке, не прихватив бутылочки с едой? Настолько торопилась, что забыла о молоке? Да ни одна мать в здравом рассудке не поступит так. Хотя Белкина практически не занималась ребенком, все хлопоты о нем лежали на наших плечах. Ну с какого ляду она отправилась в центр?

Поняв, что начинаю ходить по кругу, я вздрогнула и мо-

ментально ощутила прилив жара к лицу. Коляска! Все, кто имеет младенца, знают, что путешествие по Москве с экипажем для новорожденного – это настоящее испытание, проверка вашей физической подготовки и моральной закалки. Столица совершенно не приспособлена для молодых мамочек. У тротуаров, как правило, высокие бордюрные камни, намучаешься, пока станешь вталкивать и сталкивать колеса, в метро с «повозкой» не зайти. Во-первых, она едва пройдет в дверь, во-вторых, на эскалаторе ее трудно удержать, в-третьих, народ в вагоне начнет ворчать: «Нарожали кучу и с собой таскают», «Люди с работы едут, час пик, а эта дура столько места заняла», «Девушка, подвиньтесь», «Женщина, чего расклячилась», «Тетка, убери спиногрыза». Наслушаешься добра полные уши. Лучше вызвать такси.

Наверное, Оля так и сделала. Хотя погрузка коляски в салон еще то удовольствие. Проще было взять запеленутого Гену на руки. Но коляски дома нет, следовательно, Белкина прихватила ее с собой, влезла в авто или спустилась в подземку и полетела к центру Москвы. Бог мой, зачем? Только не уверяйте меня, что все это делалось для того, чтобы потом поставить доставленную с трудом коляску под куст и выкурить сигаретку! Под дождем! Минуточку! Ляля не курит! Ну с какой стати ее поволокло на Садовое кольцо?!

Через два часа мы узнали неутешительную правду: ни в одну больницу Москвы не поступал крохотный ребенок, до-

ставленный с улицы. Гена исчез.

Костин, сообщивший нам сию информацию, много болтать не стал, на мой робкий вопрос: «Ты хорошо все проверил?» – Вовка рявкнул: «Да» – и повесил трубку.

Юля и Лиза прижались друг к другу и схватились за руки. Горе их было так велико, что слез не нашлось. Кирюша отвернулся от меня и уставился на стену, а я почувствовала невероятную жажду, какую испытывает, наверное, человек, месяц шедший через Сахару. Еле передвигая ноги, я побрела по коридору в поисках туалета. В мозгу билась лишь одна мысль: пить, пить, пить.

В конце концов я уперлась в дверь, над которой горела тревожно-красная надпись «Реанимация». Жажда трансформировалась в тошноту. Понимая, что мне срочно нужно отыскать унитаз, я дрожащей рукой толкнула дверь и увидела стол, на котором лежали очки. Медсестра отсутствовала. Из глубины отделения не доносилось ни звука, я сделала шаг и увидела слева на одной из двери букву «Ж».

Чувствуя, что сейчас упаду в обморок, я доплелась до комнаты и огляделась. Маленькое помещение оказалось палатой. У стены стояла железная кровать, на ней, полуприкрытое зелено-желтой, будто брезентовой простыней, лежало тело. У изголовья моргали лампочки и гудело несколько аппаратов, какие-то трубочки тянулись от приборов и убегали под простыню.

Я попятилась и в то же мгновение увидела на щиколотке

ноги, высунутой из-под покрывала, довольно толстую золотую цепочку, в виде змеи. Хвост пресмыкающегося исчезал у него во рту.

Тошнота и жажда пропали так же быстро, как и появились. Я кинулась к койке.

– Олечка! Тебе плохо?

Белкина не ответила, я посмотрела на ее лицо и прикусила язык. Отчего-то принято считать, что человек, находящийся между жизнью и смертью, должен быть бледным до синевы, но Лялина кожа имела странный желтовато-серый оттенок. Всегда короткий нос казался длинным, а закрытые глаза походили на черные ямы. Ляля не слышала меня.

– Что вы здесь делаете? – прозвучал гневный голос.

Я обернулась, на пороге стояла полная женщина в просторной, светло-зеленой хирургической пижаме, точь-в-точь такую надевает на работе Катюша.

– Кто вас сюда пустил? – негодовала она.

– Извините... там буква «Ж», я искала туалет, а...

– Это не «Ж», – возмутилась медсестра, – а знак для персонала, говорящий... Да какая разница! Не вам адресовано! Сортир! В реанимации! Немедленно убирайтесь! Вперлась в стерильное помещение, без бахил и халата!

– Извините, ей совсем плохо?

– Нет, очень хорошо, – окрысилась незнакомка, – еще чего поглупей спросите. Убирайтесь.

– Она умирает?

– Типун тебе на язык!

– Скажите правду!

Внезапно женщина перестала злиться.

– Она тебе кто?

– Родственница, близкая.

– А-а. Состояние тяжелое, но пока стабильное.

– Это плохо?

– Могло быть хуже. Если стабильное, уже приятно, не утяжеляется, значит, усекла?

– Выздоровеет?

Незнакомка нахмурилась.

– Тут не бюро прогнозов. Мы делаем все от нас зависящее.

– Она меня слышит?

– Аллочка, – крикнули из коридора, – восьмой где?

– В седьмой, – откликнулась Алла и повернулась ко мне. –

Говорят, что в таком состоянии человек не воспринимает окружающий мир. Только...

– Что? Ну скажите, – взмолилась я.

Алла посмотрела на Лялю.

– Сколько лет в реанимации работаю, а привыкнуть не могу. Другие спокойные, обращаются с больным словно с табуреткой. А я не научилась, жалко всех до слез. Это очень плохое качество, оно в нашем отделении лишь мешает. Слышит ли она тебя? Если почитать учебник, то там написано: нет. Но ведь не все же тут умирают, кое-кто выкарабкивается и потом о своих ощущениях рассказывает. Знаешь, часто гово-

рят: «Лежу, пошевелиться не могу, руки-ноги не действуют, глаза не видят, но уши слышат». А еще у нас доктора первоклассные, в особенности один, Алексей Иванович. Знаешь, что он родственникам предлагает, когда больной в себя не приходит?

«Сядьте, – говорит, – около, возьмите за руку и просите: «Мама, папа, бабушка, любимый, дорогая, не уходите от меня, не бросайте...» Раньше говорили «отмолить» несчастного у бога, а вы упрашивайте человека вернуться. Если захочет – останется!»

– И срabатывает? – прошептала я.

Алла кивнула.

– Случается. Иной раз такие встают, только диву даешься. Живого места не было, надежды никакой, а выкарабкался. Наверное, и впрямь слышат.

– Можно мне с Олей поговорить?

Алла качнула головой, потом открыла шкаф, стоявший у двери, вытащила оттуда бахилы, круглую шапочку из пресованной бумаги и довольно длинный халат из такого же материала.

– На. Только надолго не оставляю.

Я нацепила одеяние, пододвинула к койке железную табуретку, покрашенную белой краской, взяла Олю за тонкую руку и вздрогнула. Кожа у Ляли оказалась холодной, липкой, словно чешуя заснувшей рыбы.

– Олечка! Очнись! Пожалуйста, посмотри на меня!

Серо-желтое лицо осталось неподвижным.

– Лялечка, ты нужна нам!

Никакой реакции.

– И Гене, – вырвалось у меня, – ну как он без тебя жить станет? Маленький, беспомощный, такому мама просто необходима, да и взрослому она понадобится.

Губы Оли дернулись.

– Ты меня слышишь?

Ноздри тонкого носа вздрогнули.

– Все будет хорошо. Тебя лечат лучшие врачи. А Гена дома, – бойко частила я, – он совершенно здоров, веселый, счастливый. Геночка ждет маму, ты обязана поправиться, Генуся...

– Лампуша, – прошелестел тихий голос Кати, – не надо, она в коме.

Я повернула голову.

– Нет, Оля слышит, у нее губы шевелятся.

– Это рефлексорные подергивания.

– Ты не права! Ляля реагирует на имя Гена.

– Поехали домой!

– Мы оставим ее тут? Одну?

– Лампуша! Олечка в реанимации, здесь круглосуточный уход, – ласково сказала Катя.

– Но...

– Увы, помочь мы ей ничем не сможем.

– Она меня слышит!

– Нет.

Я повернулась к кровати и тихо сказала:

– Лялечка, не волнуйся, Геночка в кроватке, спит спокойно.

Веки несчастной вдруг распахнулись, и на меня глянули огромные, бездонные, отчего-то не голубые, а черные глаза.

– Вот! – закричала я. – Катя! Она видит!

Подруга быстрым шагом подошла к изголовью.

– Глаза закрыты.

– Но только что они глядели!!!

– Пошли, – потащила меня Катюша, – ты просто переутомилась.

Я попыталась сопротивляться, но на помощь почти бес-телесной Катюше пришла Аллочка. Крепкими руками она схватила меня и тотчас же выставила в коридор.

Глава 5

В машине я талдычила словно заведенная:

– Она слышит! Да! Точно!

Лиза, Юля и Кирюша молчали, Катя тоже беззвучно управляла машиной. За всю дорогу никто из них не произнес ни слова.

– Вещи возьмите, – отмерла Катя у дома.

– Какие? – прошелестела я.

– Вон пакет, в больнице дали, там одежда Оли.

Я взяла полиэтиленовую сумку.

Обнаружив на кухне Костина, я налетела на него.

– Ну что?

– Ты о чем? – буркнул Вовка.

– Гену нашли?

– Нет.

– А уголовника?

– Какого? – мрачно осведомился Костин.

– Того, ударившего Лялю.

– Нет!

Я стукнула кулаком по столу.

– Безобразие! Чем только ты занимался!

Вовка покраснел, потом посинел, затем, глубоко вздохнув, велел:

– Сядь.

Я плюхнулась на стул.

– Ну.

– Похоже на то, что Лялю ударил наркоман, человек, который ради очередной дозы готов на все. В большом городе много людей, сидящих на игле, и если у них начинается ломка, то все. Тормоза сносит сразу. В подобный момент «торчок» способен убить мать, отца, своего ребенка, не говоря о чужой бабе, которая, как на грех, попалась ему на пути. Выдернул сережки из ушей, сорвал цепочку с кулоном и был таков.

– Прекрасная версия, – обрадовалась я, – давай, начинай рыть.

– Где?

– В среде наркоманов, переберешь всех и найдешь!

Вовка хмыкнул.

– Лампа, их тысячи, на учете у врачей единицы, остальные либо не лечатся, либо пытаются скрыть пагубное пристрастие. Наркоманом может быть добропорядочный служащий, который на полчаса превратился в неуправляемого зверя. Достал дозу и снова имеет вполне приличный вид. Убийца Оли...

– Она жива!

Вовка крикнул, я вцепилась пальцами в стол.

– Оля выздоровеет!

Костин вытащил сигареты.

– Выйдет из больницы, – продолжала я, – подойдет к тебе

и скажет: «Володя! Ты не сумел установить личность, которая чуть было не отправила меня на тот свет. Ладно, в конце концов это, может, и неважно. Но где мой сын? Что случилось с Геночкой? Как мне жить теперь, потеряв ребенка?»

Вовка швырнул пачку на пол и, наступив на нее ногой, заорал:

– Хватит! Ты слышала когда-нибудь о похищении младенцев?

– Конечно.

– Знаешь статистику? Из десяти украденных детей находят одного! Очень повезет, если двух! Причем это не только у нас, но и в Англии, Франции или Германии! А если малыш не умеет разговаривать, шансы отыскать его падают до нуля.

– Ты полагаешь, что Гену украли?

– Не знаю!

– Но зачем?

– Не знаю!

– С какой целью?

Костин встал и пошел к двери.

– Вовка! – заорала я.

– Что?

– Гену будут искать?

– Ну... Нужно заявление.

– Какое?

– О пропаже ребенка.

– Сейчас напишу.

– Это должна написать мать.

– Она же в реанимации.

– Тогда отец.

– Костин! Очнись! Гена погиб в катастрофе.

– Бабушка, дедушка, – тупо перечислял Володя.

Я подлетела к нему, вцепилась в рубашку и принялась трясти.

– Приди в себя! У Геночки никого, кроме Ляли и нас, нет!

Майор ловко вывернулся из моих рук.

– Лампа! Я...

– Ты просто превратился в мента! – заорала я, понимая, что у меня самая настоящая истерика. – Перешел в худшую категорию! Стал тупорылым идиотом кретинским, омерзительным сотрудником МВД, который хочет лишь одного: избавиться от навязываемых забот, отшвырнуть дело ногами. Его не волнуют ни слезы матери, ни...

Костин выбежал из кухни, со всей силой шандарахнув дверью о косяк. Большая керамическая ваза, которую Лиза подарила мне на день рождения, покачнулась на подоконнике и потом вдруг совершенно неожиданно развалилась на две половины.

Глотая потекшие по лицу слезы, я собрала останки ни в чем не повинного сосуда, выбросила их в помойку и пошла в спальню. Взгляд упал на пустую, неубранную кровать со скомканными простынками. Неожиданно истерика прекратилась. Я села в кресло. Хорошо, я сама найду того, кто задумал

мал преступление. Наркоман! Как бы не так. Тут действовал человек, отлично срежиссировавший ситуацию. Скорей всего, он позвонил Оле и обманом выманил ее из дома. Почему Белкина взяла коляску? Не знаю. По какой причине взяла Гену? Нет ответа и на сей вопрос. Но я обязательно докапаюсь до правды, отыщу малыша, отниму его у киднеперов и вручу Оле. Лялочка непременно выздоровеет и снова начнет жаловаться на жизнь, а Геночка будет быстро расти. Все у нас наладится. Никто и ничто не помешает Лампе осуществить задуманное! Не следовало меня злить! И совершенно зря ты, Володя, похоронил Лялю. Я очень хорошо знаю, что она не нравится тебе до тошноты, я, кстати, сама отношусь к Белкиной с прохладцей, но ведь ей никто, кроме нас, не поможет, мы знаем друг друга много лет, а в такой момент следует забыть о всех неприятных ситуациях, связанных с Олей, и протянуть ей руку дружбы.

Честно говоря, я надеялась на Вовку, но если он повел себя подобным образом, начал требовать официальных заявлений от родственников и разводить бюрократию, то мне придется действовать в одиночку.

Внезапно тишину прорезал телефонный звонок.

– Алло, – тихо сказала я.

– Здравсти, – защелбел веселый, молодой, звонкий голос, – меня зовут Неля Гречникова. Можно Олю? Мы с ней в одной палате после родов лежали. Вот, хотела узнать, как там Белкина? Как мальчик? Ой, наверное, уже поздно...

Слезы полились у меня из глаз.

– С Олей несчастье!

– Что случилось?

Я быстро пересказала события.

– Какой кошмар, – залепетала девушка, – она выздоровеет?

– Обязательно, – заявила я, решив не травмировать незнакомку, – все будет хорошо!

Но на следующий день приступить к поискам Гены мне не удалось, на шею навалилось слишком много других дел. Лишь в среду я смогла начать расследование, завела будильник, чтобы не проспать. Времени мало, следует торопиться.

Около семи утра меня разбудило попискивание, и, чтобы не потревожить мирно сопящую на диване Лизавету, не включая свет, я выбралась в коридор. Сон бесследно испарился, голова, несмотря на ранний час, была совершенно ясной. Очень осторожно, на цыпочках, я прокралась на кухню и включила чайник. Через полминуты раздался тихий щелчок, вода вскипела, и тут же по плитке зацокали когти. Вот еще одна загадка. Ну каким образом наши собаки, спящие в разных местах большой квартиры, слышат звук выключающегося электроприбора и понимают, что на кухне появились люди? Ведь двигалась я сейчас словно паучок, тише тихого, и тем не менее – здравствуй, мама, мы не прочь подкрепиться.

Мопсы сели рядом у балконной двери. Муля меланхолично отвернула морду в сторону, весь ее вид говорил:

– Я тут ни при чем! Но не спать же спокойно, когда все несутся хомякать.

Ада, ровесница Мульяны, тоже изображала спокойствие, зато Феня и Капа, бойкие щенки, вертели скрученными, толстыми хвостами и преданно глядели на меня черными глазами. Через пару мгновений Феня стала тихонько поскуливать, а Капа принялась мерно лаять.

Чтобы она не разбудила домашних, я быстро сунула мопсенку строго-настрога запрещенное ветеринаром печенье.

– На, только замолчи.

Схватив лакомство, Капуля заметалась по кухне. Ее нервозность можно было понять: сейчас товарищи изловчатся и отнимут добычу. Впрочем, ни стаффордшириха Рейчел, ни двортерьер Рамик, ни Мулечка с Адюсей не занимаются мародерством. Самозабвенный экспроприатор у нас Феня. Быстро опустошив свою миску, она подбирается к Капе и легко оттесняет более мелкую сестрицу от кормушки. К остальным Феня не привязывается, они ведь могут и отпор дать. А выхватить изо рта Капуси пряник, ириску или хлебную палочку – плевое дело. Хитрая, излишне умная для щенка Феня не начинает драку. Она просто подходит к товарке и спокойно откусывает ту часть вкусного, которая торчит из Капиной пасти. Бедная Капуся потом очень удивляется. Вроде дали такую длинную-предлинную, ну просто замечательную ванильную соломку, и где она теперь? Остался лишь крохотный кусочек, куда же подевалось остальное?

Впрочем, месяцам к восьми Капуса скумекала, что к чему, и теперь, получив сладкий кусочек, начинает спешно искать укрытие, такое, куда не проберется Феня. Капе нельзя отказать в сообразительности, она поняла, что сестрица много больше ее, поэтому не всегда может протиснуться в щель. Вот по этой причине Капа сейчас молнией метнулась к дивану, распласталась и, превратившись в блинчик, оказалась под ним. Учтите, что, проделывая маневр, она не потеряла печенья и ухитрилась не уронить ни крошечки. Вот это высший пилотаж.

Поняв, что курабье не отбить, Феня обиженно взвыла, я моментально сунула ей не менее запрещенный кексик. Блаженно закрыв глаза, Феня отошла к плите и стала наслаждаться. Ада шумно вздохнула, Муля громко, с чавканьем сглотнула слюну. Рейчел и Рамик с укоризной покосились на меня. Я оглядела стол. Печенья нет, кексов тоже, зато имеется два кусочка сыра.

– Так и быть! Держите, – воскликнула я.

Резко оживившись, Муля и Ада ринулись на зов. Кусочки замечательно вкусного сыра исчезли так быстро, что я не успела даже моргнуть. Рейчел и Рамик превратились в статуи. На их мордах застыло выражение обиды пополам с отчаянием.

Делать нечего, пришлось вытаскивать из холодильника батон докторской колбасы. Как только я отрезала первый кусочек, к столу мгновенно принесли все члены стаи.

– Э нет, наглые мопсы, – усмехнулась я, – вы уже получили свое, кто печенье, кто сыр, а кто кексик. Вот эта вкуснейшая колбаска достанется интеллигентным Рейчел и Рамику, которые не выпрашивали подачку, не затевали свар и скандалов, а спокойно сидели в сторонке. А терпение всегда вознаграждается, и сейчас...

В этот момент звякнул дверной звонок. Испугавшись, что непрошенный гость разбудит домашних, я бросилась в прихожую и, забыв спросить: «Кто там?», распахнула дверь. В полумраке лестничной клетки маячила невысокая коренастая фигура.

– Здравствуйте, – вежливо сказала она, – мне бы Олю Белкину.

Я попятилась.

– Э... э... – промычала я.

– Не бойтесь, – прогудела незнакомка, – меня Геночка прислал!

Огромное, всеобъемлющее чувство радости охватило меня. Гена нашелся! Кто-то заметил во дворе младенца и забрал его к себе домой, а потом узнал наш адрес.

– Входите скорей, – вскрикнула я.

Незнакомка нагнулась, расстегнула стоящий у ее ног клетчатый баул, вытащила оттуда пакет серого цвета, из него кулек, из последнего сверток, развернула его, вынула тапочки, очень аккуратно поставила их в коридоре нашей квартиры, потом ловко выскользнула из уличной обуви, всунула ноги в

бахилы и, держа в руках ботинки, попросила:

– Тряпочку дайте.

– Какую?

– Подметки протереть.

– Так ставьте, – отмахнулась я.

– Нельзя, – ответила гостья.

Я внимательно оглядела незнакомку. Лет ей, наверное, около шестидесяти. Седые волосы аккуратно уложены в старомодную прическу, небось дама спит в бигудях. Лицо покрыто пудрой, на губах помада. Нет, никакой яркой краски на вошедшей не было, но рот ее был аккуратно обведен специальным карандашом, а брови слегка подкрашены. Пахло от незваной гостьи смесью детского мыла и чего-то кулинарного, вроде корицы.

– Вот здесь обувь бросьте, – ткнула я пальцем туда, где в беспорядке валялись наши туфли.

– Без протирки?

– Да.

– Ну... хорошо, – промямлила дама, – если так хотите, то пожалуйста. Тогда дайте тряпочку.

Я вздохнула и повторила:

– Обувь можно поместить так.

– Речь идет о сумке.

Мои брови полезли вверх.

– О чем?

– Баульчик на лестнице стоит, дно испачкалось.

И тут мое терпение лопнуло.

– Послушайте, – рявкнула я, – у нас не реанимация, в дом можно войти без бахил, спецодежды и душа из хлорки. Лучше скажите скорей, где Гена?

– В Лапине, – ответила дама.

– Как он туда попал?

– Насколько я знаю, на машине приехал, – принялась обстоятельно объяснять женщина, – он мне перед отъездом позвонил и сказал: «Верушка, я ненадолго».

– Кто позвонил? – в изнеможении спросила я.

– Гена.

– Этого не может быть!

– Почему?

– Геночка не умеет разговаривать, он еще маленький!

– Кто?

– Геночка, он же недавно на свет появился. Простите, как вас зовут?

– Верушка, – растерянно ответила женщина.

– А по отчеству?

– Лучше просто Верушка.

– Хорошо, – кивнула я, – может быть, мы пройдем на кухню и спокойно попытаемся поговорить? Пока я не очень понимаю, что к чему.

– Конечно, конечно, – быстро закивала Верушка, – а где у вас ванная, руки помыть, и потом, я же пойду на кухню одетая!

– Вы что, привыкли разгуливать между плитой и холодильником голой? – вырвалось у меня.

– Нет, конечно, – возмутилась Верушка, – но я ехала в поезде, костюм испачкался.

– Выглядит совершенно чистым, даже юбка не помялась.

– Да, конечно, я не садилась специально, чтобы на одежду микробы не попали, – заявила Верушка.

Меня внезапно одолел кашель, гостья терпеливо подождала, пока хозяйка придет в себя, а потом спросила:

– Так где ванная?

Минут через десять я усадила Верушку на кухне и предложила:

– Чай? Кофе?

– Не откажусь от кофейку, – вздохнула гостья.

Я включила чайник, достала хлеб и полезла в холодильник. Вчера я купила замечательную докторскую колбасу. Люблю не толстые батоны, а тоненькие, в натуральной оболочке. Говорят, колбасные изделия вредны, может, оно и так, но зато какие они вкусные!

Взгляд упал на пустые полки, докторская испарилась без следа. Я в растерянности обозрела внутренности холодильника. Была же колбаска! Куда она подевалась?

– У вас собачка есть? – спросила Верушка. – Вижу, мисочка с водой стоит.

И тут я поняла, куда подевалась докторская. Я вынула ее,

чтобы угостить Рейчел и Рамика, а потом, не убрав восхитительно пахнущую еду, бросилась открывать дверь. Вот почему сейчас под ногами не вертится ни одна собака. Стая в мгновение ока слопала всю колбасу и попряталась, справедливо полагая, что месть хозяйки будет ужасна. Осознание собственной вины было настолько глубоким, что никто из участников воровства, даже щенки, не отреагировал на приход гостыи.

– Есть у нас собачки, – прошипела я, захлопывая дверцу холодильника, – славные такие птички! Давайте, Верушка, угощайтесь геркулесовой кашей, а заодно и рассказывайте.

Гостыя улыбнулась и начала излагать события. Через некоторое время меня охватила тоска. Нет, Верушка пришла не от Гены, вернее, ее прислал Гена, но не потерявшийся, не умеющий разговаривать и не успевший пока выучить свое имя младенец, а его погибший в аварии отец.

– Нина Петровна, мама Геночки, царствие ей небесное, – рассказывала Верушка, – когда родился мальчик, страшно растерялась. Да и понятно, матери у нее не было, сестер тоже, помочь некому. Юрий Иванович, хоть и хороший муж, да целыми днями на работе пропадал.

Женщина помучилась и решила нанять няньку, такую, которая станет жить в квартире и смотреть за младенцем днем и ночью. Сами понимаете, что пускать в дом совершенно постороннего человека очень опасно, и Нина Петровна стала искать нужную кандидатуру по знакомым. В конце концов

домработница соседей, Наденька, посоветовала:

– Хотите познакомлю вас со своей приятельницей, Верушкой. Очень положительная женщина, не пьет, не курит, аккуратная. И к вам она с радостью переедет. Верушка в Подмосковьё живет, в избушке без удобств, родни у нее нет. Замуж вот собралась, да забеременела от жениха, а тот как про дитя услышал, так исчез. Во какие подлецы встречаются!

– Так она с младенцем! – воскликнула Нина Петровна. – Нет, спасибо, не надо!

Надя горестно вздохнула.

– Не-а! Помер он через неделю после родов. Одна Верушка тоскует.

– Ну приводи ее сюда, – велела Нина Петровна.

Вот так Верушка оказалась в Москве и стала Гене второй, даже первой матерью. Она выходила и выкормила мальчика. Причем выкормила в прямом смысле этого слова: у Верушки было полно молока, а Нина Петровна не могла выцедить из себя ни капли.

Верушка долго жила у хозяев. К себе, в Подмосковьё, она уехала лишь тогда, когда обожаемый ею Геночка поступил в институт. Парень очень любил Верушку, ездил ее навещать и не раз предлагал:

– Перебирайся назад, к нам, папа умер, его комната свободна, ну что ты за свою халабуду держишься? Ни воды, ни газа, ни канализации. Тяжело ведь с ведром к колодцу бегать.

– Ничего, Генаша, – улыбалась Верушка, – я от физиче-

ской работы моложе выгляжу.

И это было верно. Верушка, почти ровесница Нине Петровне, гляделась лет на пятнадцать моложе хозяйки, сохранила энергичную походку, прямую спину и молодой голос. Имелась еще одна причина, по которой Верушка не желала перебираться навсегда к Константиновым. Нина Петровна всегда относилась к няне с прохладцей. Нет, хозяйка понимала, что ей господь послал уникальный вариант: честную, работающую, патологически аккуратную женщину, которая любит воспитанника как родного сына. Нина Петровна обращалась с Верушкой очень хорошо, вовремя платила деньги, никогда не ограничивала ее в питании, дарила подарки, но при любом удобном случае подчеркивала: я – хозяйка, ты – прислуга. Дружбы у женщин не получилось. Вот Гена, тот обожал Верушку и всегда помнил о том, что няне надо наколоть дров на зиму, сделать запас продуктов, купить новый телевизор, подписать на любимую газету. Иногда долгими, темными декабрьскими вечерами к Верушке заглядывали соседки и с легкой завистью отмечали:

– Хорошо ты живешь! И конфеты на столе, и сыр, и масло. Сидишь, в большой телик глядишь, тишина и покой вокруг. А у нас шалман и в погребе пусто. Какой толк, что мы столько детей нарожали!

Верушка сочувственно кивала и отвечала:

– Геночка мне родней родного, он меня больше матери любит. Много ребят и впрямь ни к чему, одного хорошего

на старость хватит.

Глава 6

Пару месяцев тому назад Гена приехал к Верушке и велел:

– Ну все, хватит, продавай избу. В Москву переезжаешь, ко мне!

Верушка всплеснула руками.

– Зачем? Мне и тут хорошо.

– Оля ребенка ждет, – пояснил Гена.

– Вот счастье-то! – заулыбалась нянька.

– Без тебя не справимся, – сказал Гена, – будешь следующее поколение воспитывать.

Верушка немедленно принялась за дело. Покупатель на ее хибару нашелся сразу. Его, правда, интересовала не старая избенка, а хороший участок, на котором дядька потом соби-рался возводить дом. Пожилая женщина собрала узлы и по-звонила Гене.

– Я готова.

– Вот и отлично, – обрадовался тот. – Завтра приеду за тобой.

На следующее утро Гена прибыл к Верушке, набил маши-ну хабаром и констатировал:

– Тебе сесть некуда.

– Да ладно, – отмахнулась няня, – на электричке доберусь!

– Не суетись, – велел бывший воспитанник, – на следую-щий день за тобой прибуду.

Но утром он позвонил и сказал:

– Извини, вынужден смотаться в Лапин, там у тестя на могиле вандалы поработали, наведу порядок и вернусь.

Верушка стала ждать Гену. Побежали дни, но он не появлялся. Няня попыталась связаться с ним по телефону, но мобильный бурчал: «Абонент недоступен», а потом и вовсе перестал откликаться. Дома же у Гены никто не снимал трубку.

Сначала Верушка не очень беспокоилась, она подумала, что Гену задержали в Лапине дела, может, могила тестя оказалась в таком ужасном состоянии, что ее за один день в порядок не привести. Но потом тревога охватила няню. Вдруг никогда ею не виденная Олечка родила раньше срока и теперь лежит в клинике, а Гена сидит около жены? Если дело обстоит именно так, то ей, Верушке, следует немедленно отправляться в столицу. Надо же вымыть квартиру, приготовить комнатку для новорожденного. Да еще мужик, купивший избушку, начал скандалить.

– Слышь, бабка, – зудел он, – сколько можно! Продала хибару и съезжай! Я пошел тебе навстречу, подождал некоторое время, но ведь пора и честь знать! Сваливай давай, а то сам вышвырну. Мне надо до снега сараюху снести, чтобы котлован под фундамент вырыть.

Верушка схватила небольшую сумку с кое-какими последними, оставшимися у нее вещами и поехала в Москву.

Знакомая квартира оказалась крепко запертой. Верушка долго нажимала на звонок, потом даже поколотила ногой в

дверь, но никакого шороха за ней не слышалось. Няня окончательно растерялась, но потом ей в голову пришла гениальная идея. Когда-то Нина Петровна, уходя из дома, клала ключи под коврик, вдруг эта традиция в семье Константиновых жива до сих пор?

Верушка наклонилась, подняла жесткий половичок и обрадовалась – связка оказалась на привычном месте.

Войдя в квартиру, Верушка расстроилась: Олечка оказалась плохой хозяйкой, окна не мыты, занавески не стираны, по полу мотаются клоки пыли, а из кухни доносится отвратительный запах, похоже, там гниет помойное ведро, полное отбросов.

Укоризненно качая головой, няня вошла в столовую и увидела пришпиленный булавкой к спинке дивана большой лист, на котором крупными буквами было выведено: «Геннадий! Ты очень плохо ко мне относишься! Бросил жену и уехал! Забыл, что мне вот-вот рожать? Замечательный поступок! Все! Ухожу! Прощай! Надеюсь, более никогда тебя не увидеть! Обо мне не беспокойся, поеду к Романовым! Они меня не бросят! Хотя ты и не станешь переживать! Очень на тебя похоже! Ушла жена на сносях из дома – и хрен бы с ней! Не жалко! Уже не твоя, Оля!»

Верушка, не зная об истеричности и вздорности Белкиной, перепугалась окончательно. Квартира выглядела запущенной, похоже, в ней давно не было людей. Где же Гена? И что делать ей, Верушке? Засучить рукава, мыть полы или

все же пытаться найти Гену или Олю? В растерянности няня осмотрелась по сторонам, заметила записную книжку, открыла ее на букве «Р» и обнаружила там под фамилией Романовы наш адрес и телефон.

– Звонила, звонила, – объясняла сейчас Верушка, – никто трубку не снимал. Вот я и поехала на свой страх и риск. Тре-возно мне чего-то!

Я покосилась на телефонный аппарат.

– Странно, никаких звуков он не издавал!

– Не один раз набирала номер, – удивленно повторила Верушка.

Мой взор переместился ниже, я увидела на полу небольшую, разлохматившуюся веревочку, все, что осталось от ба-тона докторской, и не менее растрепанный телефонный про-вод. Так, понятно. Кто-то из собачек побаловался с провод-кой. Это либо Феня, либо Капа, остальные уже взрослые для подобных примочек.

– Так Оля у вас? – вопрошала Верушка. – Ей ведь рожать пора. А Гена? Отчего он не дома?

Я сунула в рот кусок хлеба и сделала вид, что занята про-цессом пережевывания пищи. Ужасное положение! Мне сей-час придется рассказывать милой тетке о всех произошед-ших событиях. Ну почему именно на мою долю всегда выпа-дает самое неприятное, тягостное.

– Доброе утро, – сказала Катя, входя на кухню, – Лампу-ша, включи чайник.

Следом за ней появились и остальные члены нашей семьи.

Я рысью кинулась выполнять указание, а потом, повернувшись к домочадцам, малодушно сказала:

– Это Верушка, она ищет Гену и Олю... впрочем, сейчас она сама вам все расскажет, мне же срочно надо... э... ну, в общем... надо...

С этими словами я выскочила в коридор, добежала до туалета и заперлась в нем. Не умею сообщать людям неприятные известия. Намного больше мне нравится вручать подарки на день рождения, поздравлять с бракосочетанием или получением награды.

Верушка вынесла страшные известия стоически. Она не упала в обморок, просто спросила:

– Где ж его похоронили?

Катя сообщила адрес кладбища.

Верушка схватила чашку с остывшим чаем, разом опустошила ее и нарочито спокойным голосом поинтересовалась:

– Оля-то оклемается?

– Обязательно! – воскликнула я.

Катя сердито глянула на меня: как все врачи, моя подруга суеверна и не любит делать радужные прогнозы.

– В больницу поеду, – засуетилась Верушка, – за Олей присмотреть надо.

– В реанимации великолепный уход, – остановила ее Катя, – и потом, вас туда не пустят!

– Чего же мне делать? – растерянно спросила вдруг Верушка. – Посоветуйте!

– Может, – осторожно сказала Юля, – вам, пока суд да дело, домой вернуться? Вот Оля поправится, ребенок найдет-ся, и тогда...

Верушка вытащила из кармана кофты безукоризненно белый, тщательно выглаженный платок, повертела его в руках, потом сунула его назад и тихо сказала:

– Дома-то нет! Продала ж я его, деньги вместе с вещами Геночке отдала, увез он их. А куда дел, не знаю! Он мне об этом не сказал.

– В квартире у них вроде сейф был, – пробормотала Катя, – если не ошибаюсь, под подоконником вделан. Только как его открыть, понятия не имею.

– Есть фирмы, которые вскрывают несгораемые шкафы, – оживилась Юля, – ну, допустим, потерял хозяин ключ...

– Хозяину да, – вздохнула я, – откроют, а нам нет.

Все замолчали, тягостная тишина длилась довольно долго, потом Верушка встала и дрожащим голосом произнесла:

– Спасибо вам за приют и ласку, я пойду.

– Куда? – вызвалось у меня.

Верушка пожала плечами.

– Не знаю пока, устраюсь где-нибудь. Да, кстати! Вот.

– Что это? – поинтересовалась Катюша, глядя на разнокалиберные ключи, прикрепленные к кольцу с брелоком.

– Связка от квартиры Гены, – пояснила Верушка, – я когда

записку прочитала, то поняла, что их никого дома давно нет, вот и решила, что неладно ключи под ковриком оставлять. Вы их Оле передайте, когда она поправится! И еще, можно я позванивать буду? Маленький Гена, сын Геночки... он-то единственная моя родня на всем свете. Волнуюсь очень, да... просто... да...

Верушка снова вытащила платок.

– Вот что, – решительно заявила Катя, – оставайся у нас!

– Нет, – вздрогнула старушка, – не привыкла я людей стеснять!

– Тут места полно! – воскликнула Юлия. – Живите пока здесь!

– Не умею из милости, – отнекивалась Верушка.

– Нам давно няня нужна! – заявила я.

В глазах Верушки мелькнул интерес.

– Для кого же?

Я кивнула в сторону Кирюши.

– Вот. Ему!

– Мне? – взвизгнул Кирилл. – Офигеть прямо!

– Верно, – подхватил Сережка, – учится плохо, придет из школы, никогда обед не разогреет, в кафе бегают.

– Какая гадость! – возмутилась Верушка. – Там же грязно! Неизвестно, мыл ли повар руки!

– Да вы чего... – принялся возмущаться Кирюшка, но тут же получил сильный тычок от Лизаветы.

В ту же секунду в глазах мальчика мелькнуло удивление,

и он вдруг вполне мирно ответил:

– Прикольно! Няня – здорово. Она мне будет еду греть и всякое такое?

– Вот и хорошо, – засуетилась Катя, – вот и договорились. Жилье и еда, естественно, за наш счет.

Верушка улыбнулась.

– Ладно, но когда Геночку найдут, уж не обессудьте, я займусь малышом.

– Конечно, – хором закричали домашние, – без проблем.

В метро я нашла свободное местечко и втиснулась между худенькой девушкой, упоенно читавшей Татьяну Устинову, и здоровенным парнем, который играл в тетрис. Увы, сейчас многие москвичи, счастливые обладатели личного автотранспорта, вынуждены пользоваться подземкой. Вот, например, я, проживающая в доме, расположенном недалеко от метро, доеду до центра меньше чем за тридцать минут. А если сяду в свои любимые «Жигули», то попаду в пробки, потрачу полтора часа, изнервничаюсь, вспотею. Потом, цена на бензин неуклонно ползет вверх. Может, столичное правительство надумало таким образом решить сложную транспортную проблему? А что, здорово! Давайте брать за литр «корма» для авто двести рублей, и наши магистрали гарантированно опустеют.

Ладно, не стану ворчать, достану лучше книжку, вот вам еще один плюс в пользу метрополитена, тут можно спокой-

но насладиться детективом. Ну согласитесь, читать за рулем опасно. Впрочем, минусы под землей тоже имеются: здесь полно попрошаек и бомжей, в час пик толпа так спрессовывается в вагонах, что лично у меня трещат кости. Еще в давке орудуют наглые карманники и откровенно больные люди, которые лишь по одним им понятным причинам пачкают пассажирам одежду краской из баллончика и режут ножом ваше пальто или куртку. А еще в вагонах и на станциях царит невероятная духота, а от некоторых пассажиров исходят жуткие запахи. Ну зачем они наедаются перед выходом из дома чеснока и лука? По какой причине часть женщин не желают пользоваться ни мылом, ни дезодорантами? Слава богу, сегодня мне досталось место между двумя аккуратными особами. Юноша недавно воспользовался ментоловым освежителем, а от девушки исходит тонкий аромат недорогих духов. Повезло!

Ощущая себя почти счастливой, я вытащила из сумочки томик в бумажной обложке и уставилась в текст. В тот же момент заныла нога. В пятницу я купила себе новые туфли, очень красивые и, на первый взгляд, замечательно удобные. Я не люблю обувь на каблуке, но ботинки на совершенно плоской подошве тоже не для меня, потому что рост Лампы Романовой составляет метр вместе с кепкой!

Понимаете теперь, почему я пришла в полный восторг, увидав элегантные туфли на платформе? Увы, радость быстро потухла. Отчего-то в новой обуви немилосердно начина-

ла болеть правая нога. Именно она, левая чувствовала себя превосходно. Я решила, что кожаная обновка слегка растянется и «сядет» на ступню, поэтому и надела только что приобретенную обувь. И вот результат: прошла совсем чуть-чуть, а ощущаю себя словно Русалочка, поменявшая хвост на нижние конечности.

Попытка пошевелить пальцами облегчения не принесла. Поколебавшись секунду, я вынула правую ногу из туфли и, облегченно вздохнув, поставила ее на левую, обутую по всем правилам. До пересадки мне ехать минут пятнадцать, пусть пока ступня отдохнет, а то она, похоже, уже начала опухать.

Народу в вагоне было немного, никто не смотрел на меня осуждающим взором и не тыкал в мою сторону пальцем. Сидевшие напротив люди уткнулись кто в книги, кто в газеты, а один мужчина мирно спал, разинув рот. Расслабившись, я уставилась глазами в текст и оторвалась от него лишь в тот момент, когда следовало идти к выходу.

Захлопнув криминальный роман, я стала впихивать ногу назад в туфлю. Маневр удался с огромным трудом, ступня таки сильно отекала. Кое-как обувшись, я выскочила, покачнулась, сделала пару шагов и чуть не упала. Можете мне не верить, но правая нога отчего-то стала длиннее. Хромая, я выскочила из вагона и замерла на перроне. Идти было невозможно. Недоумевая, я посмотрела на туфли и заорала!

Левая нога была обута в светло-бежевую лодочку на платформе, в ту самую элегантную, удобную и не слишком доро-

гую модель, купленную мною в магазине. Удивляла ее сестрица, правая нога. На ней, вопреки всякой логике, красовалась черная, весьма узкая туфля на головокружительной шпильке.

Плохо понимая, что случилось, я доковыляла до скамейки, плюхнулась на нее, вытянула перед собой лапы и начала строить предположения. Левая нога моя? Стопудово, – как говорит Кирюша. Нет никаких сомнений. А правая чья? Впрочем, я не настолько глупа, чтобы предположить возможность обмена нижней конечности. Правая нога тоже принадлежит мне. Но откуда черная туфелька?

Торопясь убежать из дома, я случайно нацепила разную обувь? В принципе такое возможно, но как же я дошла до метро, не заметив безобразия? Слева – небольшая, трехсантиметровая платформа, справа – спицеобразная шпилька! Да и нет у нас ни у кого такой обуви, даже у модниц Юли и Лизаветы каблуки все же меньше.

В голове неожиданно ожило воспоминание. Моя мама, оперная певица, в свое время, еще до рождения любимой и единственной дочурки, часто ездила на гастроли за границу. В Советском Союзе любые товары были в дефиците, но обувь! О, это был супердефицит. Поэтому актеры всегда волокли домой кто десять, а кто пятнадцать пар разных размеров. Так вот, во время одной из поездок, кажется, в Чехословакию, первая скрипка, большой шутник и балагур Семен Раис, примчался в гостиницу в крайнем возбуждении.

– Смотрите, ребята, – закричал он, – я нашел магазинчик, там есть лишь один вид обуви, мужские штиблеты черного цвета. Зато имеются все размеры и невероятно дешево. Я уже купил своим: папе, дяде, брату, племяннику... Наплевать, что одинаковые, они же строем не ходят!

Артисты пожали плечами, только Веня Лоскин, игравший на контрабасе, проявил заинтересованность и побежал с Сеней в замечательный магазин. Напомню вам, что Раис обожал разыгрывать людей и в качестве очередной жертвы наметил Веню.

Лоскин тоже купил несколько пар и, страшно довольный, лег спать. Пока он мирно засопел, Семен, живший с Веней в одном номере, тихонько открыл пакеты с обувью и быстро поменял ботинки. Теперь у Лоскина было по два штиблета на правые ноги. Левые Раис забрал себе.

По приезде в Москву Сеня выждал до вечера и позвонил Вене.

– И как? – хитро спросил он. – Понравились твоим штиблетами?

– Очень! – радостно воскликнул Лоскин.

Семен оторопел.

– Таки что? Они в порядке?

– Замечательное качество, – начал нахваливать покупку коллега, – фирменная вещь!

Чем дольше радовался Веня, тем сильнее дивился Сеня.

В конце концов он не выдержал и прямо спросил:

– Таки они у тебя на разные ноги?

– А ты откуда знаешь? – изумился Веня. – Представляешь, оказывается, и на Западе случаются незадачи. Я перед отлетом решил еще раз на ботиночки полюбоваться, развернул пакеты. А там! Все ботинки на правые ноги! Пришлось рысью в магазин нестись. Поменяли, правда, без писка! Вот что значит заграница. У нас бы сто бумажек заполнить заставили, а там...

– Почему ты меня не предупредил! – заорал Семен.

– А что? – удивился Веня. – У тебя тоже все на правые ноги оказались? Вот уж не думал, ты же их раньше меня покупал, без спешки, потом еще всем показывал, неужто не заметил? Ну и дела, капиталисты проклятые!

Глава 7

– А ну отдавай, – рявкнул чей-то голос.

Я оторвалась от созерцания собственных ног и посмотрела перед собой. Возле скамеечки, красная от возбуждения или духоты, стояла соседка по вагону. Та самая девушка, сидевшая справа от меня.

– Отдавай, – повторила она, – живо, я на работу опаздываю! Нацепила мою обувь и почесала! Еле догнала тебя, хорошо, выбежать из вагона успела. Ну чего уставилась?

Я перевела взор на ноги незнакомки и вздрогнула. Черная шпилька и светло-бежевая платформа! В голове моментально прояснилось. Значит, девице тоже было не слишком комфортно в обуви, вот она и сняла ее. А я, торопясь выйти из поезда, не посмотрела, во что вталкиваю правую ногу, перепутала стоявшие рядом туфли.

– Москва на три четверти состоит из идиотов, – резюмировала девица, совершая обмен, – надеюсь, ты больная лишь на голову, никаких иных инфекций, типа грибка, не имеешь! Ну, чего молчишь? Эй, тетеха!

Я молча втискивалась в светло-бежевую лодочку. И о чем здесь говорить? Идиотская ситуация, но, с другой стороны, любая из нас могла оказаться в такой.

– Послушай, – проникновенно сказала девушка, – скажи наркотикам «нет». Хочешь мой совет? Лучше бухалово, чем

ширялово. От водки беды не будет, ну начнешь с зелеными чертями спирт глушить, и только, а иголки выброси. Вон, сейчас даже не врубаешься, что случилось! Мрак!

Возмутившись до глубины души, я раскрыла рот, чтобы достойно ответить нахалке, но тут к перрону с шумом и лязгом подкатил очередной поезд, девушка вскочила внутрь, и ее умчало в темную трубу тоннеля. Внимательно оглядев свои ноги, я вздохнула и пошла к эскалатору. Хорошо еще, что я сейчас ехала в вагоне одна, окажись со мной Юля, Лиза или Кирюшка, насмешек было бы не избежать до конца столетия.

Дворик, где произошло несчастье, я нашла сразу. Небольшое квадратное, заасфальтированное пространство, обрамленное маленьким, двухэтажным домом, стоящим в виде буквы «П». Посреди «патио» была разбита клумба, на которой погибали непонятные растения, непохожие на декоративные посадки, скорее всего сорняки, вылезшие из земли перед самыми холодами. По периметру дворика росли невысокие кустики, почти все они выглядели одинаково: тоненькие веточки и засохшие серо-желтые листочки. То ли их убила начавшаяся осень, то ли посадки заболели некоей инфекцией. Но один куст выглядел неправдоподобно красиво: замечательно толстый, коричневый ствол лаково поблескивал в уже не жарком солнце, крона темно-зеленого цвета не имела никаких пятнышек. Слегка удивившись, я приблизилась

к этому растению и сразу поняла, в чем дело, – оно было искусственным. Очевидно, находившаяся в здании пейджинговая компания решила облагородить дворик и выставила на улицу хорошо сделанный муляж.

Следующий час я провела, внимательно изучая пейзаж, и пришла к неутешительному выводу: ничего интересного, никаких следов пребывания тут Оли и Гены нет. Оставалось непонятным, каким образом коляска с малышом оказалась незамеченной. Дворик крохотный, спрятать повозку в нем, на первый взгляд, было решительно негде, единственное место, мало-мальски напоминающее укрытие, находилось под псевдокустом, но все равно «экипаж» там целиком ни за что не уместится.

В глубокой задумчивости я подняла голову и стала осматривать окна, все они были тщательно зашторены, кроме одного, узкого, расположенного прямо над удачной подделкой под живое дерево.

Вздохнув, я вышла на улицу, увидела дверь с табличкой «Компания «Ом» и позвонила в домофон.

– Вы к кому? – прохрипело из окошечка.

– Э... в «Ом».

– К кому?

– Ну... я из газеты.

– Какой? – не сдавался невидимый охранник.

– «Желтуха», – лихо соврала я.

– Зачем?

– Вот, решили сделать материал о вашей замечательной компании, – бодро выкрикнула я, – положительный, хвалебный. Страна должна знать своих героев.

– Фамилия, – прервал мои слова секьюрити.

– Романова.

– Вас нет в списке посетителей, уходите.

– Правильно, никто ведь не знал, что я приду.

– Звоните начальству и договаривайтесь.

– Вы меня впустите, пожалуйста, а я сразу пойду в нужный кабинет.

– Нельзя.

– Но как же мне поговорить с администрацией?

– Не знаю.

– Подскажите телефон директора.

– Не имею права.

– Может быть...

– Лучше уматывай, – потерял вежливость служивый, – еще тут потопчешься, дежурных вызову, станешь потом остаток жизни на лекарства работать.

Потерпев полную неудачу, я спустилась с крыльца и задумалась. Тут около домика притормозила маршрутка, из нее вылезли две девушки: блондинка и брюнетка. Они спокойно поднялись по ступенькам, и черненькая нажала на звонок.

– Кто там?

– На собеседование по поводу работы.

– К кому?

– Нас ждет Лина Сергеевна.

– Сейчас, – раздалось из домофона, – ну-ка, вы Самойлова, Федькина и Малофеева?

– Да, – хором ответили девчонки, – Самойлова и Малофеева, а кто такая Федькина, мы не в курсе, она не с нами.

– Федькина здесь, – заорала я, кидаясь к двери, – я тоже пришла!

Послышался тихий щелчок, дверь отворилась, мы тесной группой вошли в холл. За стойкой рецепшен восседал толстый дядька лет шестидесяти. Его лысая голова покоилась на короткой шее, круглые глаза торчали над щеками, рот терялся между подбородком и носом.

– Встали в ряд, – велел он, – сейчас Лина Сергеевна придет.

Из коридора донесся стук каблучков, и из-за угла вылетела хорошенькая девушка в сером костюме. На груди у нее виднелся бейджик «Лина, менеджер по кадрам».

– Двигайте за мной, – забыв поздороваться, приказала она.

Еле сдерживая ликование, я пошла вперед. Ладно, проникла внутрь слишком тщательно охраняемого помещения, теперь осталась сущая ерунда: найти комнату, в которой расположено то самое узкое, незанавешенное окно, и поболтать с находящимися там людьми, авось кто-нибудь заметил что-то.

– Сюда, – скомандовала Лина, – сели.

Я покорно опустила на стул, мои спутницы повторили маневр, похоже, в «Ом» не знают вежливых слов и выражений, типа «пожалуйста», «будьте любезны» и «сделайте одолжение».

Лина сурово глянула на нас.

– Таких, как вы, полно, знаете?

Девушки закивали.

– Мы берем лишь лучших, – мрачно вещала Лина, – испытательный срок полгода. Если не подойдете, выгоняем без выходного пособия, ясно?

– Да, – прошелестели кандидатки.

Я просто кивнула. Похоже, с этой Линой не договориться, вон какая злая.

– Самойлова, – рявкнула кадровичка.

– Здесь! – вскочила блондинка.

– Значит, так, читаю ваши резюме, присланные по Интернету. Опыт работы? Три месяца?

– Да.

– Так! Малофеева!

– Слушаю, – подскочила над стулом блондинка.

– Служила месяц?

– Верно.

– Уходи сразу, таких не берем.

– Но зачем звали, – возмутилась девушка, – я же резюме отправила, честно написала.

– Ступай домой.

– Но...

– Сейчас охрану вызову, – каменным голосом отчеканила Лина.

Блондинка выскочила за дверь. Самойлова затряслась мелкой дрожью. Лина ткнула пальцем в переговорное устройство.

– Хр-хр, – разнеслось по комнате.

– Забери ученицу.

– Хр-хр.

– Нет, сейчас.

– Хр-хр.

– Ладно, – кивнула Лина и повернулась к брюнетке, – ступай к рецепшен и жди там.

Я вытаращила глаза, оставалось непонятно, каким образом Лина поняла, что ей отвечал невидимый собеседник. После того как мы остались в кабинете одни, менеджер обратила свой взор в мою сторону.

– Федькина? – отчего-то ласково спросила она.

– Да.

– Опыт работы восемь лет?

– Да.

– Отчего ушли?

На секунду я растерялась, но потом прищурилась и выпалила:

– С хозяином не поладила, под юбку полез, вот и при-

шлось увольняться.

Лина засмеялась.

— Ну, у нас такого не случится. Ладно, похоже, ты единственная приличная из всех кандидаток. Москвичка?

— Да.

— Замужем?

— Нет.

— Дети есть?

— Нет.

— Великолепно! Надеюсь, понимаешь, что у нас тебя сразу начальником смены не поставят?

— Конечно.

Лина повертела в руках карандаш.

— Ладно, пошли, посажу в зал, отработаешь часок, покажешь себя. Если и впрямь супер... впрочем, поговорим позднее. Ты готова?

Я вскочила на ноги.

— Абсолютно.

Вот здорово. Сейчас Лина отведет «Федькину» на предполагаемое рабочее место, там, небось, полно народу. Познакомлюсь с людьми, выпью чайку, поболтаю. Лучше и не придумать!

Продолжая радоваться, я шла за менеджером по коридору, наконец Лина открыла дверь.

— Входи.

Я сделала два шага вперед и оказалась в просторном по-

мещении. Более чем стометровый зал разделялся перегородками на некое подобие кабинок без дверей и потолка. Внутри каждого отсека сидело по одной женщине, на головах у них дыбились наушники, изогнутая трубка с микрофоном маячила у рта. На столиках высились компьютеры. Никто из присутствующих даже не повернул головы в нашу сторону, все оказались настолько заняты.

У меня заломило в висках. Окон в комнате было много, но все они тщательно закрыты абсолютно непрозрачными жалюзи, а под потолком горят безжалостно-яркие галогенные светильники.

Лина подвела меня к самой последней, пустой кабинке и спросила:

– Надеюсь, оборудование знакомо?

Что оставалось делать? Я кивнула и, чувствуя спиной колкий взгляд менеджера, решительно села на крохотный стул, а потом водрузила на голову наушники. На столешнице имелось две кнопки: красная и зеленая. Не колеблясь, я ткнула пальцем в последнюю и, похоже, угадала, в ушах раздался тонкий голосок:

– Эй, пейджер?

– Да.

– Записывай...

Вдруг за моей спиной повеяло ветерком, я обернулась. Лины не было.

– Эй, пейджер!

– Говорите, – буркнула я.

Ладно, сейчас попритворяюсь минут десять сотрудницей. Правда, я совершенно не знаю, как отправлять сообщения, ну да это и неважно. Сделаю вид, будто набираю их на компьютере, а потом пойду в туалет. Есть же у них тут курилка, буфет, столовая, ну такие места, где скапливаются ничего не делающие сотрудники!

– Эй, пейджер, ты оглох?

– Диктуйте, – вздохнула я.

– Пошла мерить штаны. Как приду, скину, твоя жена.

Я хмыкнула.

– Отправлено.

– Алло, – забубнил другой голос, – эй, ты, пошли живо. Дорогая, мы в ресторане. Настроение веселое. Если хочешь испортить – приезжай!

Глупое хихиканье стало подбираться к горлу, но меня уже теребил следующий клиент:

«Саша, нужно срочно поговорить. Не бойся, это не по поводу наших отношений. Речь об уголовном деле».

«Передай Маше, что я ее очень люблю. Юра и Ваня».

«Леня, у меня горе! Ужас! Скорей позвони! Все расскажу, и пойдем в кино».

«Катя, столик в ресторане заказать пока не могу, сижу в школе, пишу контрольную».

«Мои планы на вечер у тебя – помыться, если получится, то еще поесть, поспать и посмотреть кинушку».

«Приезжай в офис, привези ключ от наручников».

«Немедленно позвони, если меня нет, купи водку».

«Жду голым внизу».

«Не приезжай. У меня труп и две заявки».

– Позвоните Загребальнику, эй, девушка, алло, пейджер!

– Да, – отозвалась я.

– Загребальник – это не должность, а фамилия, с большой буквы, пожалуйста, – меланхолично пояснил разговаривающий со мной мужчина.

Вот тут у меня случился приступ истерики. Нажав на красную кнопку, я сняла наушники и сделала вид, что давлюсь от кашля.

– В чем дело? – заглянула в кабинку какая-то тетка.

– Мне бы в туалет.

– Новенькая?

– Да.

– Знаешь, что за поход в сортир у тебя вычтут время из обеденного перерыва?

– Ну...

– Тебе все еще туда надо?

– Очень.

– Беги, засекаю минуты.

– А где туалет?

– Последняя дверь по коридору, – рывкнула начальница.

Я быстро покинула зал и пошла в указанном направлении, пытаюсь справиться с изумлением. Ну и ну! Интересно, ка-

кую зарплату получают бедные женщины за эту потогонную работу? Ничего себе! Их даже по нужде по времени отпускают!

Войдя в очень чистое, отделанное снежно-белым кафелем помещение, я вздрогнула. Прямо передо мной было то самое, длинное, узкое, ничем не занавешенное окно. Я приблизилась к нему, распахнула створку и высунулась наружу, внизу зеленел фальшивой листвой муляж.

– Эй, – послышался за спиной бойкий голосок, – ты чего делаешь?

Я обернулась. Только что вошедшая в дамскую комнату девушка улыбалась во весь рот, на груди у нее виднелся бейджик «Марина, оператор».

– Выброситься решила? – хихикнула она. – Мне порой тоже охота. Ты вообще кто? Новенькая? Вместо Лидки взяли, да?

– Первый день вышла, – мгновенно поддержала я разговор, радуясь, что нашелся хоть один человек с нормальным выражением на лице, – всего чуть поработала и уже устала.

– Ваще дурдом, – засмеялась Марина, – мне, например, постоянно кретины звонят. Во, только что дядька заявил: «Девушка, наберите номер большими цифрами». Я ему спокойненько отвечаю: «Больших цифр нет!»

А он в ответ орать:

– Врете! Крупные буквы есть, и цифры такие должны быть!

Или еще похлеще. Диктует мне баба сообщение, длинное-предлинное. Пришлось прервать и сказать:

– Не помещается, перезвоните еще раз.

– Ой, девочка, – заныла тетка, – ты уж как-нибудь пострайся, маленькими буковками, наискосок листочка, на полях где-нибудь!

Я засмеялась, Марина вытащила сигареты.

– Во народ, она чего, думает, я в тетрадке записываю, а потом на троллейбусе качу и адресату весь бред ее вручаю. Офигеть не встать! Нет, уволюсь, как Лидка! Наверное, этот туалет подобные мысли навевает.

– Почему? – машинально спросила я.

Марина стряхнула пепел в раковину.

– Лидка с утра нормально работала, а в обед пошла покурить, прибегает, лицо перекошенное и к начальнице смены с воплем: «Отпустите домой».

Та ее оборала, а Лидка наушники швырнула и вон. Что за муха мою соседку укусила? Не знаю, поговорить с ней не успела, вечером поздно пришла, звонить не стала, а утром рано убежала. Да от нашей службы...

– Во сколько у вас обед? – быстро спросила я.

– А у всех по-разному.

– Лида когда вчера есть ходила?

– Ну... после меня... в промежутке между двумя и пятью часами дня, точно не знаю, а зачем это тебе?

Я схватила Марину за руку.

– Хорошо знаешь Лиду?

– Конечно, мы в соседних домах живем, в Капотне, я в восемнадцатом доме, она в двадцатом. Да чего случилось-то?

Я, не отвечая, бросилась в коридор. Вполне вероятно, что эта Лида, придя в туалет, выглянула в окошко и увидела момент убийства. Иначе с какой стати удирать со службы сломя голову?

Глава 8

Потратив почти два часа на дорогу, я добралась до дома, где жила Лида, и перевела дух. Надеюсь, девушка сидит в квартире, хотя могла уйти куда угодно, в магазин, например, но, очевидно, сегодня счастье решило улыбаться мне: ободранная дверь распахнулась безо всяких вопросов, худенькая девочка недоуменно воскликнула:

– Ой! Вы ко мне?

– Я хочу поговорить с Лидой.

– Я это.

– Впустите к себе?

– Да входите, – кивнула девушка, – тырить у нас нечего, а на маньячку вы не похожи.

– Спасибо за доверие, – улыбнулась я.

– Я вообще считаю, что хороших людей больше, чем плохих, – заявила Лида, – держите тапки.

Я молча сняла туфли. Сама полагаю, что окружающий мир состоит в основном из непорочных личностей, но в наше не совсем простое время все же следует проявлять некоторую осторожность.

– Вам что-то надо? – догадалась спросить Лида, заведя меня в небольшую, более чем скромно обставленную комнату.

– Компания «Ом»... – начала я.

Лида схватилась за стол.

– Ой! Нет! Вы, небось, старший менеджер по персонам? Пришли наложить на меня штраф за прогул? Забирайте мою зарплату! Больше к вам не приду!

– Почему? – улыбнулась я. – Не понравилось?

Лида уперла руки в бока.

– Чего у вас хорошего, а? Концлагерь. Смена двенадцать часов, сиди не вставая. Обеденный перерыв сорок минут, да еще пописать пару раз всего отпускают. Ладно бы платили хорошо, только ведь сами знаете, какая получка! Курам на смех.

– Сколько вы проработали? – ласково спросила я.

Лида нахмурилась еще сильнее.

– Десятого августа пришла, срезалась на экзаменах в институт, хотела в другой документы нести, а мать разоралась и велела работать идти. Может, и верно, у меня в аттестате одни тройки. Я вообще-то думала на парикмахера учиться, да мама вот против.

– Ну вы бы ей объяснили, что в пейджинговой компании не сахар.

– Ага! Я пыталась! Не понимает ни фиги! Сама-то на улице газетами торгует, мерзнет вечно, вот и загундосила: хорошая служба, в тепле, делать вообще ни фиги не надо. Сиди себе, по телефону болтай. Во наивная!

– И вам работа в «Ом» не понравилась сразу?

– Не-а. Ваще отстой.

– Почему же вы не уволились?

Лида села в кресло.

– Так мама велела: пока учебный год не начался, изволь пахать, я тебя, дылду здоровенную, содержать не собираюсь!

– Погодите, какая учеба? Я поняла так, что вы не выдержали экзаменов.

– Это в институт, я с ноября записалась на курсы маникюш, буду гелиевые ногти делать, за такое очень хорошо платят.

– Значит, до первого звонка вы собирались сидеть в «Ом»?

– Куда ж деваться? – дернула плечиком Лида. – Мать у меня строгая, живо зуботычин насует, не обрадуешься.

– Следовательно, планов покидать «Ом» до ноября вы не имели?

– Ну... нет.

– Тогда с какой стати столь спешно убежали?

Лида прикусила нижнюю губу.

– Так ведь не поступают, – вкрадчиво сказала я, – не в детский сад же ходили! На службу. Следовало подать заявление об увольнении, предупредить за десять дней. Вас ведь могут заставить отрабатывать.

– Нет! – взвизгнула Лида. – Никогда больше к вам не пойду! Хоть убейте!

Я уперлась взором в ее испуганное личико.

– Лида!

– Чего?

– Кто вас напугал?

– Меня? Да вы че! Просто я устала, – стала неумело врать
Лида.

– Ладно, поставлю вопрос по-иному. Что вы увидели из
окна туалета?

– Ничего! Совсем! Ей-богу! Правду говорю!

– Убивали на ваших глазах?

Лида затряслась.

– Ничего не знаю!

– Хотите, расскажу, как обстояло дело?

Лида задрожала еще сильнее.

– Вы пришли в сортир, дабы покурить, – медленно начала
я, – надеюсь, не станете отрицать факт баловства табаком?

– У меня есть сигареты.

– Хорошо, вернее, плохо, но у нас сейчас не лекция о здо-
ровом образе жизни. Вы пришли в туалет, верно?

– Ну... нам даже не разрешают дымить, сами ж знаете!

– И тем не менее операторы бегают в туалет с сигаретами.

– Ага.

– Отлично. Вы задымили, а потом испугались, что запах
пойдет в коридор и кто-нибудь из начальства вас приметит
и наложит штраф.

– Да.

– Подошли к окну, распахнули створку и... Лида, немед-
ленно говорите, что вы увидели?

Девушку заколотило в ознобе.

– Ничего, – выдавила она наконец из себя, – я не смотрела во двор, просто открыла стеклопакет, чтобы дым унесло. Если там кого и убили, то я совершенно ни при чем! Никаких женщин я не видела!

Я вскочила на ноги.

– Перестань врать!

– Ей-богу, – дрожащей рукой стала креститься Лида, – я не глядела вниз. Живенько покурила и назад!

– С воплем: «Ухожу»?

– Ну... да! Достала меня эта работа! Все. Чего приперлись? – пошла внезапно в атаку Лида. – Не крепостное право на дворе. У нас свобода!

– Это верно, – кивнула я, – твоя правда. Нынче человек сам выбирает, где ему служить, кое-кто и вовсе не работает, но при этом чувствует себя просто великолепно. Ладно, ухожу, ответь лишь на самый последний вопросик, маленький и короткий.

– Ну? – обрадовалась Лида. – Какой?

– Очень простой. Если ты не смотрела вниз и вообще ничего не знаешь о происшествии, то откуда тебе, голубка, известно, что во дворе убили женщину? Отчего ты сказала: «Если там кого и порешили, то я совершенно ни при чем! Никаких женщин я не видела»?

Лида моргнула раз, другой, третий, потом раскрыла рот.

– Только не ври, – быстро сказала я, – Марина тебе ничего не рассказывала, она не сумела до тебя дозвониться, а мили-

ция приехала во двор уже после твоей спешной эвакуации. Так как, а?

Лида посерела.

– Вы не из «Ом»! Ой, пришли меня арестовать, да?

Я снова села на продавленный диван.

– Послушай внимательно. На самом деле я не имею никакого отношения к пейджинговой компании и в милиции тоже не служу. Меня зовут Евлампия. Женщина, которую тяжело ранили во дворе, моя родственница. Сейчас она в реанимации, висит на волоске между жизнью и смертью. Ей ни в коем случае нельзя нервничать, но ведь ребенок-то пропал. Сделай одолжение, расскажи, что видела, этим ты, скорей всего, спасешь две жизни.

– Какой ребенок? – изумилась Лида.

Я покосилась на нее. Удивление девушки вроде было совершенно искреннее.

– Гена, новорожденный младенец.

– Его там не было.

– Хорошо знаешь? У Оли с собой была коляска.

– Нет.

– Как «нет»?

– Ну она ничего не имела, только пакет взяла.

– Какой?

– У той тетки кулек, из супермаркета!

– Сделай одолжение, – пытаюсь соблюдать спокойствие, попросила я, – расскажи последовательно.

Лида прижала руки к груди и затараторила.

Она на самом деле пришла в туалет, чтобы побаловать себя сигареткой, но перед тем, как чиркнуть зажигалкой, девушка осторожно открыла окно и, опершись о подоконник, высунулась наружу. Я могла гордиться своей догадливостью, Лида и впрямь опасалась, что запах дыма проникнет в коридор и ей влетит от старшей по смене. Сначала Лида вдохнула полной грудью свежий воздух, конечно, в самом центре Москвы совсем не осталось кислорода, но после душного зала даже бензиновый смог покажется упоительным.

Потом девушка перевела глаза вниз и увидела двух теток. Лиц их Лида не разглядела, она же стояла наверху и хорошо различить могла лишь макушки. Одна баба была шатенка, другая крашеная блондинка.

Женщины разговаривали шепотом, до слуха Лиды долетало лишь очень тихое, совсем невнятное бормотание. Внезапно блондинка протянула шатенке пакет, самый обычный, в такие раскладывают в хороших супермаркетах продукты.

Темноволосая взяла его и замахала свободной рукой. Блондинка внезапно наклонилась, она, очевидно, хотела поправить брюки или завязать распутившийся шнурок. И в этот момент вторая тетка схватила с земли камень и резко опустила его на затылок собеседницы.

Лида, разинув рот, наблюдала за происходящим, она совершенно забыла про сигареты и желание покурить. Блондинка беззвучно свалилась на асфальт! Руками, на которых

были перчатки, шатенка порылась в карманах у жертвы. Потом она выдернула у своей собеседницы серьги из ушей, стащила с пальца кольцо, сняла часы, подняла пакет из супермаркета, снова сильно ударила поверженную женщину по голове и убежала.

Все произошедшее заняло пару мгновений, но перепуганной Лиде показалось, что прошел час. Плохо слушающимися руками она захлопнула окно и только тогда испугалась до полусмерти. Сейчас кто-нибудь найдет убитую тетку, вызовет милицию, менты тут же пойдут в компанию «Ом», станут выяснять, не там ли работала покойница, допросят начальницу смены, та вспомнит, что Лида пошла в туалет и застряла в нем... Еще, не дай бог, посчитают за соучастницу преступления!

Потеряв от страха остатки и до того не слишком большого ума, Лидочка побежала в зал. По дороге ужас стал еще сильнее, поэтому, когда начальница смены подошла к ней и сурово заявила: «Это безобразие! Знаю, ты ходила курить!» – Лидочка чуть не лишилась чувств.

– Нет, – залепетала она, – я в туалет не пошла, стояла на лестнице, звонила маме, у меня чего-то голова очень болит...

– Врешь, – обозлилась старшая по смене, – я за тобой проследила! И табаком от тебя несет!

Другая бы девушка, не такая глупенькая и столь напуганная, как Лида, сразу бы сообразила, что противная баба про-

сто берет ее на понт, желая выслужиться перед вышестоящим начальством. Бригадир не может покинуть зал во время рабочей смены, но у Лидочки начисто отшибло слабый умишко.

– Ухожу домой, мне плохо, – забубнила она, – не нужна мне ваша зарплата, забирайте всю в качестве штрафа.

Маме Лидочка ничего про увольнение не сказала, наоборот, наврала, что ее повысили, сделали главной в бригаде и теперь придется работать сутки через трое. Мамуся обрадовалась предстоящему повышению дочкиной зарплаты, а Лидочка пригорюнилась, поняв, что наговорила глупостей. Ну посидит она несколько дней дома, но потом-то придется каяться во вранье. Получается, что казнь просто отложена на время, может, лучше уж было сразу получить от мамы оплеух и жить спокойно?

– Ну-ка опиши мне подробно женщину, – перебила я стелания Лиды.

– Какую?

– Ту, что била по голове Олю.

– Олю?

Я вздохнула.

– Послушай, тебе трудно рассказать, как выглядела тетка, которая получила пакет с логотипом супермаркета, а потом била по голове несчастную?

Лида скорчила рожицу.

– Нет.

– Тогда начинай.
– Ну... такая... шатенка.
– Это я уже поняла, дальше.
– Волосы темные...
– Отлично, мне, например, еще ни разу не встретились шатенки с белыми волосами. Попробуй вспомнить что-нибудь конкретное.

– Да?
– Опиши фигуру.
– Э... э... ноги, руки, голова.
– Замечательно, это сильно поможет при поиске, в особенности упоминание о конечностях, думаю, она одна такая в Москве и с руками, и с ногами, – обозлилась я, – обычно-то у людей их нет!

Лида хихикнула.

– Скажи, та, что была, – высокая? – не успокаивалась я.
– Не знаю.
– Ты же ее видела!
– Так сверху же! Сами попробуйте, залезьте на второй этаж и вниз посмотрите, и не понять, кто какого роста.
– Ладно. Толстая или худая?
– Не разобрала. Вроде нормальная, как все.
– Люди разные.
– Как все в метро, – тупо повторила Лида, – ну такие, одинаковые.
– Отлично. Давай попытаемся лицо припомнить.

– Не видела я его.

– Послушай, – терпеливо сказала я, – попробуй вспомнить хоть что-нибудь, важна любая деталь. И потом, ты, похоже, любительница соврать. Неужели не увидела лица? Даже сверху можно кое-что разглядеть.

– И вовсе я не вру!

– Может, и не врешь, а говоришь неправду, но это суть дела не меняет, – вздохнула я.

Лида пожала плечами.

– О морде ничего сообщить не могу!

– Знаешь, Лидочка, – вкрадчиво сказала я, – родственники пропавшего мальчика обещают денежную премию тому, кто поможет отыскать Гену. Они люди честные, не обманут, поэтому в твоих интересах вспомнить хоть что-нибудь.

Глаза Лидочки заблестели.

– И сколько?

– Ты о чем?

– Сумма какова? – деловито спросила девушка.

– Тысяча долларов, – ляпнула я и тут же перепугалась: ну где мне найти такие деньги?

Хотя, если Лида сейчас наведет меня на след Гены, нарою где-нибудь тугрики!

– Ни фиги себе! – подскочила Лидочка, но тут же помрачнела: – Правда, рожи ее я не увидела, козырек скрывал.

Испытывая огромное желание треснуть Лидочку по затылку, я каменным голосом отчеканила:

– Лида, я обладаю просто феноменальной памятью и, на беду, великолепно помню, как ты, начиная рассказ, сообщала: «Сверху видела их макушки. Одна женщина была блондинкой, другая темноволосой». Скажи на милость, если на шатенке красовалась бейсболка, то каким образом ты ухитрилась узреть ее макушку?

– Так не кепка!

– Ты только что заявила: козырек скрывал лицо.

– Верно, знаете, есть такие, на ремешке, без дна. Середина головы пустая, а над физиономией полукруг нависает? Вот она именно в таком и была, промоутерша!

Я насторожилась.

– При чем тут люди, предлагающие товар от фирмы?

Лида удивленно глянула на меня.

– Так темненькая промоутер была. У нее козырек имелся с фирменной надписью и футболка. Небось натыкались на таких? То сигареты предложат, то лимонад!

– От какого предприятия работала тетка?

Лида прищурилась.

– Э... э... Значит, тысячу баксов дадут?

– Да.

– Точно?

– Всенепременно.

– Прямо сразу, сейчас?

– Нет.

– А когда?

– Как только мальчик найдется.

– Ага, – воскликнула Лида, – а если его не обнаружат, то мне фиг?

– Было бы странно раздавать огромные деньги просто так, за непроверенные сведения.

– Понятно.

– Быстро назови название фирмы, ты его видела!

– «Сыр «Мишутка».

– Молодец. Теперь последний вопрос. Логотип какого универмага стоял на пакете?

– Ну...

– Отвечай живее!

– «Мечта хозяйки»! – брякнула Лида. – А когда я тысячу баксов получу?

Глава 9

Заверив Лиду, что она непременно обретет деньги, если данные ею сведения окажутся ниточкой, которая приведет к Гене, я выбежала на улицу и понеслась к маршрутному такси. В голове было простое соображение. Женщина в одежде промоутера не станет просто так бродить по улицам. Скорей всего она была из магазина, расположенного неподалеку от места происшествия. Обычно на такую службу берут студентов. Молодые люди, желающие подработать, как правило, не воспринимают подобный труд в тягость, у них вся жизнь впереди, и бедность не кажется двадцатилетним трагедией. Редко у кого в юном возрасте имеются огромные доходы. Поэтому рекламные акции молодежь проводит весело, используя момент, чтобы познакомиться с симпатичным человеком, завязать роман или просто похихикать. Пожилых на подобную службу не возьмут, те станут с кислым видом предлагать товар, вздыхать, ныть, охать. Следовательно, ша-тенка совсем юная, отлично, я уже кое-что знаю про убийцу. Дело за малым – выяснить имя, фамилию и отчество. Сейчас в супермаркете мне подскажут координаты фирмы, делающей сыр «Мишутка», поеду туда и...

Полная радужных надеж, я доехала до офиса фирмы «Ом» и стала озираться по сторонам. Ага, вон супермаркет «Мечта хозяйки». Ноги понесли меня ко входу, но, еще не

дойдя до широких стеклянных дверей, я поняла, что с магазином что-то не так. На парковочной площадке пусто, ни один покупатель, тяжело нагруженный пакетами, не выходит из дверей, впрочем, никто и не спешит войти. Может, в заведении столь жуткие цены, что население обходит торговую точку стороной?

Я добежала до ступеней из полированного гранита и увидела объявление: «Извините, у нас ремонт». Не успела я сообразить, что предпринять дальше, как из магазина вышел дядька в синем комбинезоне.

– Простите, магазин закрыт? – глупо спросила я.

Мужчина кивнул и вытащил сигареты.

– А когда он прекратил работу?

– Пару дней назад, – вежливо ответил рабочий, – прогорели, теперь тут другой хозяин, уж и не знаю, чем торговать будут.

– Вывеска осталась, – ткнула я пальцем вверх.

– Просто снять не успели, – спокойно пояснил мужик и, нахвистывая, пошел к припаркованной на тротуаре старенькой иномарке.

– На этой улице есть еще одна «Мечта хозяйки»? – бросилась я за ним.

Строитель развел руками.

– Понятия не имею. А зачем вам этот супермаркет?

– Продукты хотела купить, – пробормотала я, – сама приезжая, мне вот люди и присоветовали: сходи, милая, в «Меч-

ту хозяйки».

– Ты никогда дураков не слушай, – усмехнулся рабочий, – знаешь, почему лавка разорилась? Дерьмом торговали, а цены установили как на первосортную еду. Только теперь не прежние времена, народ уже не голодный, на всякую пакость не кидается, выбирать начали. Раз дерьма купили, во второй не пошли. Да ты оглянись, тут вокруг полно харчей.

Я завертела головой по сторонам. Действительно, чуть ли не на каждом доме большие или маленькие вывески и витрины, в которых зазывно сверкают банки, бутылки и яркие коробки.

– Имей в виду, – монотонно объяснял дядька, – супермаркет, конечно, хорошо, там тебе фирменный пакетик бесплатно дадут. Но в обычном магазине товар не хуже, тот же самый лежит. Колбаса по большей части везде одинаковая!

С этими словами рабочий влез в машину и укатил. Я вздохнула. Что ж, парень прав, колбаса везде одинаковая, и сыр, похоже, тоже. Многие лавки, чтобы привлечь покупателей, устраивают нынче дегустации разнообразных продуктов. Даже в очень скромной торговой точке, расположенной рядом с нашей квартирой, изредка появляются хихикающие девицы, раздающие бесплатно кусочки хлеба, намазанные всякой всячиной: майонезом, соусом, вареньем, сметаной. Фирма, производящая сыр «Мишутка», могла устроить акцию в любом месте. Ну отчего я решила, что промоутерша-убийца работала в «Мечте хозяйки»? Из-за пакета? Вот

уж глупость! Девиче-то дала кулек Оля!

Остаток дня я провела творчески. Бродила по улице и прилегающим к ней крохотным, чаще всего тупиковым «рукавам», заходя во все попадающиеся на дороге точки, торгующие харчами. Монотонная работа была закончена в десять вечера. Собранная информация оказалась неутешительной: нигде не работали девушки в козырьках с надписью «Мишутка». Более того, ни в одном магазине никогда не слышали о подобном сыре. Впрочем, название «Мишутка» попадалось достаточно часто, продавцы показывали на печенье, минеральную воду, конфеты, сгущенку, зубную пасту, бумажные носовые платки... Все эти товары, предназначенные в основном для детей, имели в названии слово «Миша» в той или иной вариации – Мишенька, Мишутка, Мишка-топотышка, Медвежонок, Михайло Потапович... Но вот сыра не нашлось, и никто о нем не слышал.

Устав почти до одури, я доплелась до последней лавки, расположенной достаточно далеко от здания пейджинговой компании, и, услышав от девушки-продавца слова, ставшие уже привычными: «Простите, такого товара нет», спросила:

– Не знаете, какая фирма может его выпускать?

Девочка улыбнулась.

– Увы, не подскажу.

– А в Москве много предприятий, делающих продукцию из молока?

– До фига, – по-детски ответила сотрудница, – потом, в

столицу везут сыр из Вологды, Костромы, Рязани, Прибалтики, Германии, Финляндии... Да вы на полки гляньте, просто географический атлас!

Очень хорошо понимая, как чувствует себя боксер, побывавший в нокауте, я, наплевав на разумную экономию, поймала «бомбиста» и отправилась домой на такси. Каждая нога весила по сто килограммов, и я была готова отдать любые деньги, лишь бы не спускаться в метро.

Раскрыв дверь квартиры, я удивилась. Что случилось с нашей прихожей? Гора ботинок, обычно возвышающаяся в углу, исчезла, линолеум тщательно вытерт, а у входа лежит довольно большая, влажная тряпка. Неужели Юлечка или Лиза затеяли генеральную уборку? Вот ужас! Если кто-то из младших членов семьи начинает проявлять хозяйственную прыть, значит, жди неприятных известий. Просто так, не провинившись, никто за пылесос не схватится, а уж положить у двери мокрую тряпку и вовсе невиданное дело. Подобное действие тянет на подожженную школу.

Полная нехороших предчувствий, я стала снимать обувь.
– Пришла! – послышался ласковый голос. – Послушай, дочка...

Я выпрямилась и увидела Верушку. Ну вот, совсем забыла, что с нами временно станет жить няня.

– Лампочка, – нежно шуршала Вераушка, – уж не обижайся, но у вас в квартире грязно. Знаешь почему?

– Потому что мне лень убирать.

– Нет, – засмеялась Верушка, – хотя ты, конечно, тоже права. Но влажную уборку достаточно сделать всего лишь раз в день, в остальное время...

Я захлопала глазами. Раз в день делать влажную уборку? Верушка издевается? Хорошо, если я раз в месяц соберусь на такое действие.

– ...следует просто поддерживать порядок, – мирно говорила Верушка. – Значит, так. Я тебя немного поучу, налажу чистоту, а потом, когда уеду, ты будешь вспоминать мои уроки, и квартирка будет блестеть, словно пасхальное яичко. Начнем с самого простого. Вот ты сейчас вошла в дом правильно?

– Верно.

– Нет. Ты не поняла вопроса, задам его по-иному. Правильным ли образом ты сейчас вошла в квартиру?

– Что-то не так?

– Все. Если вы так поступаете ежедневно, то чистоты не жди!

– Но в чем ошибка?

– Ты вошла прямо в уличных ботиночках.

– Естественно, как же иначе?

Верушка укоризненно покачала головой.

– Ох, молодость! Представь, какое количество больных бегают по Москве! Тут тебе и СПИД, и туберкулез, и сифилис, и грипп. А ты все домой принесла, в прихожей стряхнула. Неладно.

– СПИД воздушно-капельным путем не передается, сифилис тоже, – попыталась спорить я с няней, – остальные же болезни...

– Ничегошеньки наука точно не знает, – перебила меня Верушка, – доктора насморк лечить не научились, и потом, легче предупредить болячку, чем избавляться потом от нее. Ладно, хватит возражать. Значит, так! Вышла из лифта, добралась до порожка, там, снаружи, подчеркиваю, с внешней стороны, есть половичок. Встала на него, сняла ботиночки и, держа их в руках, вошла в квартиру, но не бежишь по коридору, нет, стоишь на тряпочке, которая постелена внутри. На ней стаскиваешь куртку...

– Не получится!

– Это почему еще? – слегка рассердилась Верушка. – Сегодня все послушались!

– Так у меня в руках ботинки будут. Куда их девать?

Лицо Верушки посветлело.

– Видишь, какая ты аккуратная! Другим в голову подобный вопрос даже не пришел! Осторожно помещаешь их сюда, на резиновый коврик. Потом куртку стаскиваешь, стряхиваешь ее, выставив руки на лестничную клетку, иходишь в коридор. Ясно?

– Ну, в общем да, – еле сдерживая смех, ответила я, – а что, все наши такое проделали?

– Конечно!

Меня охватило глубочайшее изумление, наверное, Ве-

рушка владеет азами гипноза, если сумела заставить домашних трясти куртки. Я могу сколько угодно вопить: «Не ходите в грязных ботинках по коридору», – все равно у нас под дверью вечно под ногами похрустывает песок и виднеются пятна.

– Потом, – не замечая моего изумленного вида, неслась дальше Верушка, – быстренько идешь в ванную, снимаешь свитерочек, брючки, швыряешь в стиральную машину...

– Каждый день?

– Естественно, вещи ведь запачкались.

– Вовсе нет, они чистые.

– Тебе только так кажется, – посуровела няня, – пыль, грязь, микробы, полно невидимой глазу заразы. Не перебивай меня! Короче, шмотки стирать, сама под душ!

– Но я люблю принимать ванну перед сном!

– И что? Кто мешает тебе ополоснуться еще раз, позднее?

– Однако...

– Мы хотим чистоты в квартире?

– Да.

– Тогда душ непременно условие, – подняла вверх палец Верушка, – освежившись, идешь в прихожую, снимаешь ботинки с резинового коврика, моешь им подметки, протираешь и ставишь обувку в галошницу. По-моему, ничего трудного!

– Конечно, – кивнула я.

– Главное, шнурки!

– А с ними что?

Верушка заулыбалась.

– Хорошая хозяйка знает тысячу способов сохранения чистоты в доме. Один из них – правильное обращение со шнурками!

Я села на стоящую у входа табуретку.

– Их надо ежедневно, придя домой, стирать, а потом гладить?

– Ох, шутница, – погрозила мне пальцем Верушка, – хватит раз в неделю!

Я потеряла дар речи. Верушка и впрямь намерена стирать и гладить шнурки.

– Завязочки следует держать в чистоте, – ласково журчал голос няни, – вошла в квартирку, аккуратненько свернула их клубочком и положила в ботиночек, а то еще кто рядом свои туфли поставит, да прямо на шнурки, нехорошо же!

– Угу! – кивнула я. – Просто отвратительно! Обтопанные шнурки, что может быть гаже!

Верушка просияла.

– Очень хорошо, ты умница. Ладно. Квартирку-то я отскребу вам потихоньку и порядочек наведу, но вот готовить не стану.

– И не надо, я сама справлюсь.

– Еще собаки!

Я примолкла, действительно, у нас живет целая стая. Надеюсь, Верушка любит животных, потому что в противном

случае нам будет трудно ужиться вместе. И еще, как она намерена держать в чистоте собак? Боюсь, ни мопсам, ни Рейчел с Рамиком не понравится, если их заставят залезать в кастрюлю для полной стерилизации в кипятке.

– Собак я очень люблю, – призналась Верушка, – Впрочем, и кошек, и другую живность тоже. Просто не способна убить ничего передвигающееся на четырех лапах, но ведь чистота в квартире очень важна! А с собаки сыплется шерсть! И как поступить?

– Действительно, как? – не удержалась я. – Только обмывать кремом-депилятором, чтобы полностью лишить их волос!

Верушка всплеснула руками.

– Нет, конечно! Ну и гадкое предложение. Бедные собачки! И придет же в голову такое! Вот, смотри!

Няня распахнула дверь, и в прихожую из жилой части квартиры вылетели псы. Они начали радостно лаять, крутить хвостами и всячески изображать любовь ко мне. Я наклонилась, чтобы погладить Мулю, и изумилась.

– А что на ней надето?

– Вот! – подняла вверх указательный палец Верушка. – Замечательная идея! Я сходила в магазин и купила ползунки, ну такие, на младенцев, разных размеров. Сшила их, и получились одежки, изумительные, из натурального хлопка. В них, кстати, и не холодно зимой будет. Вся шерсть останется внутри комбинезона. Менять их надо на ночь! Походили

денек, перед сном помылись, зубки, ушки, хвостики, лапки почистили, переоделись и на боковую в свеженькой пижамке. Использованные в бачок и стирать! По-моему, здорово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.